

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
**«ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНО-
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
Кафедра новой и новейшей истории России

Выпускная квалификационная работа

**ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ КАМПАНИИ В ПОСЛЕВОЕННОЕ
ВРЕМЯ В МОЛОТОВСКОЙ ОБЛАСТИ**

Работу выполнил:
студент Z951 группы
направления подготовки 44.03.01
Педагогическое образование,
профиль «История»
Ершов Евгений Викторович

(подпись)

«Допущен к защите в ГЭК»
Зав. кафедрой

(подпись)

« ____ » _____ 2017 г.

Руководитель:
Доктор исторических наук,
профессор, зав. кафедрой новой и
новейшей истории России
Суслов Андрей Борисович

(подпись)

ПЕРМЬ

2017

Оглавление

Введение	3
Глава 1. Идеологический кампании в сфере искусства.....	14
Глава 2. Идеологический кампании в сфере науки	36
Глава 3. Кампании по противодействию западному влиянию	48
Заключение.....	63
Список источников и литературы	67

Введение

Послевоенное советское общество представляет огромный интерес для исследователей в различных научных сферах. Тема идеологических кампаний и в целом период позднего сталинизма активно изучается в исторической науке, однако, на настоящий момент остается большое количество «белых пятен», которые исследователи стараются заполнить. Выбранный нами период характеризуется формированием нового идеологического курса, направленного на тотальный контроль основных сфер, формирующих общественное сознание.

В качестве нижней *хронологической рамки* исследования мы определяем окончание Великой Отечественной войны в мае 1945 г., поскольку предпосылки развертывания идеологических кампаний складываются еще до выхода первого постановления «О журналах «Звезда» и «Ленинград» летом 1946 г. Верхней границей определена приостановка дела врачей, которую многие связывают со смертью И.В. Сталина, а официальное сообщение МВД СССР о прекращении следствия по делу было опубликовано в газете «Правда» 4 апреля 1953 г. Таким образом, хронологические рамки нашего исследования включают период с мая 1945 г. по апрель 1953 г.

Объектом исследования являются кампании социальной мобилизации сталинской эпохи.

Предметом исследования является проведение идеологических кампаний в послевоенное время на региональном уровне на примере Молотовской области.

Историография вопроса к настоящему времени достаточно широка и разнообразна. Большинство исследований послевоенных кампаний имеют своей целью обнаружение причин и мотивов происходивших процессов. Рассматривается влияние кампаний на уровне Союза и центральных регионов, раскрывается внутренняя борьба в высших эшелонах власти,

выделяются последствия кампаний с точки зрения науки, культуры, общества.

Подобные исследования дают нам общее представление о ходе акций, их задачах и методах реализации, однако внутренние механизмы и реакция партийных структур на региональном уровне, на наш взгляд, получили недостаточное внимание в исследовательской среде.

В историографии вопроса можно выделить несколько этапов. Советский период характеризуется жестким идеологическим давлением и контролем партийных структур. О научном изучении идеологических кампаний в то время говорить не приходится, деятельность партии в отношении культуры и искусства носила пропагандистский описательно-повествовательный характер.

После XX съезда КПСС были созданы более благоприятные условия для научно-исследовательской деятельности. В научный оборот было введено большое количество новых архивных документов и других ранее неопубликованных материалов; научный уровень работ в целом повысился, расширилась проблематика исследований, однако доступ ко многим архивным документам оставался ограниченным. В этот период были написаны диссертации Г.В. Дерягиной «Борьба КПСС за развертывание критики и самокритики в науке, литературе и искусстве в послевоенный период»¹ и А.Ф. Комарова «Борьба Коммунистической партии Советского Союза за воспитание трудящихся в духе советского патриотизма»², в которых рассматривается влияние партии на советскую культуру и науку.

¹ Дерягина Г.В. Борьба КПСС за развертывание критики и самокритики в науке, литературе и искусстве в послевоенный период: Автореф. дис. канд. истор. наук. Л., 1954. – 15 с.

² Комаров А.Ф. Борьба Коммунистической партии Советского Союза за воспитание трудящихся в духе советского патриотизма (1946-1954): Автореф. дис. канд. истор. наук. Киев, 1954. – 20 с.

Большое значение в процессе повышения научного уровня работ имел выход в свет обобщающих монографий М.П. Кима «Коммунистическая партия-организатор культурной революции в СССР»³ и «40 лет советской культуры»⁴, в которых идеологические кампании изучены как один из этапов в деятельности партии по формированию социалистического искусства, науки, складыванию интеллигенции как социальной группы.

В 1960-1980-е гг. появляются диссертационные работы, посвященные деятельности власти по развитию науки и культуры, а также влиянию на интеллигенцию. Например, обобщающая работа В.М. Королева «Идейно-политическое воспитание молодой творческой интеллигенции в первые послевоенные годы»⁵ и работа А.Ф. Конюкова «Руководство Башкирской партийной организации подготовкой и идейно-политическим воспитанием интеллигенции республики в годы первой послевоенной пятилетки»⁶, раскрывающая региональный фактор идеологических кампаний с точки зрения идейного воспитания интеллигенции. Также интересна работа Р.А. Медведева «К суду истории. О Сталине и сталинизме»⁷, вышедшая в 1971 г. за рубежом, и ставшая одним из первых серьезных исследований о

³ Ким М.П. Коммунистическая партия-организатор культурной революции в СССР. М.: Госполитиздат, 1955. – 838 с.

⁴ Ким М.П. 40 лет советской культуры. М.: Госполитиздат, 1957. – 388 с.

⁵ Королев В.М. Идейно-политическое воспитание молодой творческой интеллигенции в первые послевоенные годы (1946-1950): Автореф. дис. канд. ист. наук. Москва, 1978. – 21 с.

⁶ Конюков А.Ф. Руководство Башкирской партийной организации подготовкой и идейно-политическим воспитанием интеллигенции республики в годы первой послевоенной пятилетки. (1946-1950 гг.): Автореф. дис. канд. ист. наук. Москва, 1978. – 25 с.

⁷ Медведев Р.А. К суду истории. О Сталине и сталинизме. М.: Время, 2011. – 656 с.

сталинизме, пришедших на Запад из России. Медведев в своей работе, рассматривая Сталина как единоличного носителя власти, изучает кампании в контексте личной роли вождя в их организации и подчеркивает их значение в создании атмосферы тотального контроля. К сожалению, подавляющее большинство советских читателей смогли познакомиться с этой работой только в годы «перестройки».

К началу 90-х годов начали появляться работы на качественно новом уровне. Произошло это благодаря доступности для изучения и анализа, новых документальных источников высших и местных органов партийного и государственного управления, а также различных учреждений культуры, редакций газет и журналов, и поиску исследователями новых подходов к изучению идеологических кампаний. Например, статья Ю.С. Аксенова «Послевоенный сталинизм: Удар по интеллигенции»⁸, в работе над которой был привлечен новый архивный материал и рассмотрены идеологические кампании с позиции давления на интеллигенцию.

Начиная с этого момента, изучение сталинского периода, в том числе позднего сталинизма, начинает набирать обороты, и на сегодняшний день мы имеем много интересных исследований, которые рассматривают идеологические кампании с разных сторон.

На начальном этапе послевоенных кампаний под пресс уничтожающей критики попало культурное сообщество. В изучении этого контекста большое значение имеет работа А.В. Блюма «Советская цензура в эпоху тотального террора»⁹, в которой автор исследует цензурный аппарат СССР и его действие в период сталинизма. Идеологические кампании в работе рассматриваются, в первую очередь, с позиции деятельности органов

⁸ Аксенов Ю.С. Послевоенный сталинизм: удар по интеллигенции // Кентавр. 1991. Октябрь-декабрь. С. 80-89.

⁹ Блюм А.В. Советская цензура в эпоху тотального террора. 1929-1953. СПб.: Академический проект, 2000. – 321 с.

цензуры. Автор анализирует, за что литераторы и их произведения становились неугодными, а также объясняет выбор целей постановления «О журналах «Звезда» и «Ленинград».

Также в этом ключе интересна работа Т.М. Горяевой «Политическая цензура в СССР. 1917-1991»¹⁰. В ней цензура рассматривается на протяжении всего периода существования советского государства, идеологические кампании раскрываются через участие в них цензурного аппарата Главлита. В работе раскрывается деятельность цензурного ведомства и реакция интеллигенции на постановления и иные действия власти. В качестве источников используются докладные записки и документы Главлита, через которые показана атмосфера, сложившаяся в послевоенный период.

Кампании в культуре подробно рассматриваются в статье А.В. Блюма «Берегите Зощенко»¹¹ и Д.Л. Бабиченко «Жданов, Маленков и дело Ленинградских журналов»¹². Блюм детально анализирует травлю Михаила Зощенко после окончания Великой Отечественной войны, а также последствия выхода постановления на основе новых архивных данных. Бабиченко описывает процессы, происходившие в Управлении пропаганды, Союзе Писателей и советских литературных журналах. Также интересна монография Д.Л. Бабиченко «Советская литература 1940-х гг. под политическим контролем ЦК»¹³, показывающая положение изменения в литературной среде под влиянием кампании.

¹⁰ Горяева Т.М. Политическая цензура в СССР. 1917-1991 гг. М.: РОССПЭН, 2009. – 408 с.

¹¹ Блюм А.В. Берегите Зощенко // Звезда. 2004. №8. С. 128-137.

¹² Бабиченко Д.Л. Жданов, Маленков и дело Ленинградских журналов // Вопросы литературы. 1993. № 3. С. 201-213.

¹³ Бабиченко Д.Л. Советская литература 1940-х гг. под политическим контролем ЦК. М.: Россия молодая, 1994. – 377 с.

Й. Баберовски один из самых известных зарубежных историков, изучающих период Сталина, в своей монографии «Красный террор. История сталинизма»¹⁴ рассматривает все процессы с точки зрения механизмов террора и единоличного отправления власти И.В. Сталина. Идеологические кампании рассматриваются им не как система мер, а как обособленные акции, исходящие от личных желаний высшего руководства.

Французский историк Н. Верт не уделяет большого внимания идеологическим кампаниям, однако, в своей книге «Террор и беспорядок. Сталинизм как система»¹⁵ рассматривает проблему свободы мысли, остро стоявшую в послевоенный период для советской интеллигенции, преимущественно с позиции репрессивной системы.

В большом комплексном исследовании Р.Г. Пихоя «Советский Союз: история власти. 1945-1991 г.г.»¹⁶ рассматриваются все сферы жизни государства в этот период, в том числе, подробно изучаются принятые меры по идеологизации общества. Автор описывает эти события, объясняя причины начала идеологических кампаний, их зарождение в недрах партии, подтверждая свои выводы архивными документами.

А.А. Данилов и А.В. Пыжиков посвятили работу «Рождение «сверхдержавы»: СССР в первые послевоенные годы»¹⁷ изменению мирового устройства, закреплению за СССР статуса сверхдержавы и нарастанию конфронтации с западным миром. Авторы рассматривают многие процессы в

¹⁴ Баберовски Й. Красный террор. История сталинизма М.: РОССПЭН, 2007. – 278 с.

¹⁵ Верт Н. Террор и беспорядок. Сталинизм как система. М.: РОССПЭН, 2010. – 447 с.

¹⁶ Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти. 1945-1991. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000. - 680 с.

¹⁷ Данилов А.А., Пыжиков А.В. Рождение Сверхдержавы СССР в первые послевоенные годы. М.: РОССПЭН, 2001. – 304 с.

жизни страны, в том числе идеологические кампании, через призму внешней политики, не забывая при этом уделять особое внимание борьбе за власть внутри партии.

В работе О.В. Хлевнюка и Й. Горлицкого «Холодный мир. Сталин и завершение сталинской диктатуры»¹⁸ центром исследования становятся предпосылки к изменениям в системе управления государством и партией в послевоенный период. Идеологические кампании авторы рассматривают с точки зрения расстановки сил в высших эшелонах власти, высказывая предположения о реальном распределении ролей в руководстве кампаниями.

Большинство работ, посвященных данной теме, затрагивают идеологические кампании частично, имея основной целью более широкие вопросы, либо подробно рассматривают только отдельную кампанию без связи с другими. Работа Е.Ю. Зубковой «Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945-1953»¹⁹ детально раскрывает все послевоенные «дела», которые оказывали влияние на общество. Автор анализирует большое количество источников для демонстрации реального положения дел в обществе. Работа носит фундаментальный характер в описании социальной атмосферы в первые послевоенные годы.

В 2001 г. В.Д. Есаков и Е.С. Левина выпустили работу «Дело КР. Суды чести в идеологии и практике послевоенного сталинизма»²⁰. Она интересна в двух научных сферах – исторической и биологической, состоятельна и в сфере медицины, и в сфере истории. Авторы максимально досконально

¹⁸ Хлевнюк О.В., Горлицкий Й. Холодный мир: Сталин и завершение сталинской диктатуры. М.: РОССПЭН, 2011. – 231 с.

¹⁹ Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945-1953 годы. М.: РОССПЭН, 2000. – 229 с.

²⁰ Есаков В.Д., Левина Е.С. Дело КР. Суды чести в идеологии и практике послевоенного сталинизма. М.: ИРИ РАН, 2001. – 454 с.

изучили состоявшийся суд чести по делу Ключевой и Роскина, раскрыли роль судов чести в идеологии позднего сталинизма.

Большой вклад в исследование борьбы с западным идейным влиянием внёс Г.В. Костырченко. Помимо исследований антисемитизма в СССР²¹, где он раскрывает взаимоотношения еврейской интеллигенции с советской властью, он выпустил основательную работу «Тайная политика Сталина»²², где затрагивает все известные нам политические акции послевоенного сталинского периода, уделяя большое внимание науке.

Важное значение имеют и региональные исследования советской послевоенной политики в вопросах идеологии. В этом ключе крайне интересны две диссертации, которые дают возможность проследить за внедрением идеологических кампаний в провинции. В.А. Гижов в своей диссертации «Идеологические кампании 1946-1953 гг. в российской провинции: По материалам Саратовской и Куйбышевской областей»²³ рассматривает кампании в более общем контексте, затрагивая различные факты культуры и науки, имевшие место в Саратовской и Куйбышевской областях. А.С. Кимерлинг в диссертации «Политическая кампания «Дело врачей» в провинции»²⁴ особое внимание уделяет делу врачей, демонстрируя отношение местных властей к действиям правительства. Она приводит

²¹ См.: Костырченко Г.В. Сталин против «космополитов». Власть и еврейская интеллигенция в СССР. М.: РОССПЭН, 2010. – 432 с.

²² Костырченко Г.В. Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм. М.: Междунар. отношения, 2003. – 781 с.

²³ Гижов В.А. Идеологические кампании 1946-1953 гг. в российской провинции: По материалам Саратовской и Куйбышевской областей: Автореф. дис. канд. ист. наук. Саратов, 2004. – 211 с.

²⁴ Кимерлинг А.С. Политическая кампания «Дело врачей» в провинции, 1953 год: на материалах Молотовской и Свердловской областей: Дис. канд. ист. наук. Пермь, 2000. – 231 с.

примеры региональных кампаний, которые начали готовиться по образу центрального дела.

Также хочется выделить книгу пермского историка О.Л. Лейбовича «В городе М.», в которой подробно рассматривается дело Ключевой и Роскина и его влияние на пермскую медицинскую и партийную среду²⁵.

Целью работы является анализ механизмов реализации идеологических кампаний послевоенного времени в провинции, на примере Молотовской области.

Для достижения цели нам необходимо решить следующие **задачи**:

1. Выявить характерные черты проведения идеологических кампаний в сфере искусства, науки и противодействия западному влиянию.
2. Определить формы их воздействия на различные социальные группы.
3. Выделить сходства и различия в реализации идеологических кампаний в центре и на периферии.

Источники. Круг архивных источников, привлеченных к работе, отражает то, каким образом центральные кампании советского руководства приводились в действие на периферии, какие поступали распоряжения, и как на это реагировала общественность.

Для изучения запускающих механизмов кампаний в качестве источников использованы постановления высших органов коммунистической партии и правительства, доклады и статьи партийных и советских вождей.

Для изучения региональной составляющей кампаниях мы обратились к документам партийного делопроизводства, отложившихся в Пермском государственном архиве социально-политической истории (ПГАСПИ), до недавнего времени – Пермский государственный архив новейшей истории, а до 1991 г. – Партийный архив Пермского обкома КПСС. Изучались

²⁵ Лейбович О.Л. В городе М. Очерки социальной повседневности советской провинции в 40–50-х гг. М.: РОССПЭН, 2008. – 296 с.

хранящиеся в архиве протоколы партийных и комсомольских собраний, отчеты, письма, докладные записки и справки.

Методологическую основу исследования составляет концепция социальной мобилизации, сформированная трудами ряда зарубежных и отечественных ученых. Ее содержание хорошо передано С.А. Красильниковым: «Под категорией «социальная мобилизация» понимается целенаправленное воздействие институтов власти на социум, основанное на подавлении или искажении свободных и рациональных предпочтений, мотиваций и действий отдельных индивидов и социальных групп для приведения социума в активное состояние, обеспечивающее поддержку и реализацию целей и задач, объявляемых приоритетными и признаваемыми общественным большинством»²⁶. Это значит, что мы рассматриваем идеологические кампании с точки зрения направленного воздействия власти на общество для приведения его в активное состояние, что помогает власти получать нужные ей результаты.

В работе использован ряд *общенаучных* методов: анализ и синтез, индукция и дедукция, системный и сравнительный анализ.

В процессе исследования мы придерживались принципа историзма, что означает восприятие явлений с учетом конкретно-исторической обстановки, во взаимосвязи событий.

Также применялись *конкретно-исторические* методы. Нарративный метод использовался для описания исследуемых событий. Историко-сравнительный метод, был полезен для выявления общих и особенных черт исследуемых кампаний, а также союзного и регионального факторов. Историко-типологический метод использовался для классификации кампаний, а также разделения социальных групп, для выявления разности

²⁶ Социальная мобилизация в сталинском обществе (конец 1920-х – 1930-е гг.): Коллективная монография / Отв.ред. С.А. Красильников. Новосибирск: Новосибирский гос. ун-т, 2013. – С. 5.

реакций на идеологические кампании. Дискурс-анализ использован для выявления целевых установок авторов документов через анализ их текстов.

Практическая значимость работы обусловлена возможностью использования исследования в написании обобщающих трудов. Может применяться при подготовке к проведению урока в школе по послевоенному периоду.

Структура работы включает введение, три главы: «Идеологические кампании в сфере искусства», «Идеологический кампании в сфере науки» и «Кампании по противодействию западному влиянию», заключение, список использованных источников и литературы.

Глава 1. Идеологические кампании в сфере искусства

Послевоенное время является одним из самых малоизученных этапов советского периода. Долгожданная победа в кровопролитной войне принесла советским людям надежду на изменение жизни в лучшую сторону. Множество людей, побывав в Европе, увидели своими глазами прелести западного мира, достижения общественного устройства и взаимоотношений. Простые люди смогли пообщаться с иностранными гражданами, узнать, как это жить в другой стране, в атмосфере гласности и свободы. Эмоциональный подъем, новые знания о другой жизни, вера и любовь к Сталину, всё это заставило верить широкие слои интеллигенции в скорую либерализацию курса. Однако вскоре стало ясно, что у руководства страны иные взгляды на дальнейшее развитие. Творческая интеллигенция стала первой целью политики очерчивания жестких рамок в сфере идеологии.

Начало кампании в сфере искусства было положено обсуждением, а в реальности – осуждением, двух литературных журналов. По мнению Д. Бабиченко, изначально готовилась атака на московский журнал «Новый мир», но очень быстро ситуация изменилась. «А потом что-то произошло в Москве. Спешно, буквально за несколько дней, в ЦК ВКП(б) готовится постановление о ленинградских журналах. Только 7 августа Александров и Еголин посылают Жданову докладную «О неудовлетворительном состоянии журналов «Звезда» и «Ленинград» и первый вариант проекта постановления ЦК, а уже через день, 9 августа, вопрос выносится на заседание оргбюро ЦК»²⁷, – пишет в своей статье Д. Бабиченко. Некоторые исследователи также обращают внимание на эту особенность и небезосновательно считают причастным к этому дуэт Маленков-Берия²⁸.

²⁷ Бабиченко Д.Л. Жданов, Маленков и дело Ленинградских журналов. С. 206.

²⁸ См. об этом: Данилов А.А., Пыжиков А.В. Указ. соч. С. 103.

Послевоенный период характеризуется противостоянием различных групп в верхушке партии, стремящихся получить больше власти или лишить этой власти своих противников. К моменту окончания войны на ведущие должности в руководстве партией и страной выдвигаются амбициозные ленинградские функционеры, такие как А.А. Жданов, Н.А. Вознесенский, А.А. Кузнецов. И.В. Сталин лично продвигает новых руководителей, в которых видит потенциал, однако, он же сам и опасался увеличения влияния ленинградской группы. Этими опасениями искусно пользовались Г.М. Маленков и Л.П. Берия, которые противостояли ленинградской группе и в распоряжении которых были мощные силы органов внутренних дел. Несмотря на покровительство Жданова родному городу, он вряд ли мог изменить что-то в постановлении «О журналах «Звезда» и «Ленинград», и, стало быть, согласился на предложенные правила игры.

14 августа 1946 г. в журнале «Культура и жизнь» было опубликовано постановление оргбюро ЦК ВКП(б) «О журналах «Звезда» и «Ленинград». Постановление критиковало работу двух ленинградских журналов за неудовлетворительное ведение, которое выражалось в предоставлении литературной трибуны писателям М.М. Зощенко и А.А. Ахматовой, произведения которых назывались «пустыми», «безыдейными» и «пошлыми». Целями постановления были выбраны известные и популярные литературные деятели своего времени. Сделано это было не случайно. Во-первых, участие в деле таких громких имён должно было повлиять на творческую интеллигенцию и вообще придать постановлению широкий резонанс. Во-вторых, сказалась личная неприязнь Жданова, который играл одну из важнейших ролей в организации постановления, к Михаилу Зощенко.

Серьезность обвинений стала ясна в очень короткие сроки, так как постановление и доклад Жданова были опубликованы в «Правде», а вслед за «Правдой» во многих региональных и городских газетах. Для писателей последствия такой критики были очень серьезны. Как указывает А.В. Блюм,

«Через две недели после выхода Постановления ЦК «О журналах «Звезда» и «Ленинград» Главлит принял меры по своей линии, приказав изъять все три книги Зощенко, вышедшие в 1946 г. Заодно велено было «приостановить производство и распространение двух книг Ахматовой», готовившихся к изданию в этом же году»²⁹.

Постановление вызвало ожидаемую реакцию организаций, имевших отношение к литературе и печати. В резолюции президиума правления Союза советских писателей СССР (от 4 сентября 1946 г.) постановление ЦК было названо важнейшим документом партии, определяющим боевую программу дальнейшей работы правления ССП и всех писательских организаций страны. Далее говорилось, что необходим коренной перелом в идейной жизни и работе Союза писателей. Постановление не просто критиковало неугодных, оно указывало направленность изменений всем организациям, имеющим отношение к литературе, и редакциям СМИ.

18 сентября 1946 года, то есть через месяц после выхода постановления, в г. Молотов состоялось открытое собрание первичной парторганизации редакции газеты «Звезда». На повестке дня был вопрос о постановлении ЦК ВКП(б) «О журналах «Звезда» и «Ленинград». Позднюю по тем временам реакцию можно объяснить тем, что местное руководство ждало полного комплекса мер и разъяснений, для правильного понимания постановления. Заметим, что само постановление не содержало никаких установок редакциям местных газет и партийным организациям.

На собрании было заслушано постановление, после чего были развернуты недолгие прения по этому поводу. Участник собрания Михайлов указал на то, что в 1943 году ЦК уже осудил работу Молотовского областного издательства и ряд произведений, напечатанных в Молотове, оценивая это как положительный момент в области контроля за литературой на местном уровне. Факт критики за три года до выхода постановления, в его

²⁹ Блюм А.В. Берегите Зощенко. С. 129.

интерпретации свидетельствовал о том, что местная интеллигенция уже попадала под критику, а, значит, могла правильно отреагировать на постановление, без больших внутренних изменений. Михайлов предложил расширить рамки кампании: «Нам нужно в газете больше и шире ставить вопросы идеологии, выступать по литературе, театрам и клубам» и ритуально заявил, что как работник редакции готов к кампании в культуре и своим высказыванием полностью поддерживает решение ЦК³⁰.

Следует отметить, что, обсуждая постановление «О журналах «Звезда» и «Ленинград», он упоминает о театре. Это свидетельствует о комплексном восприятии всех вышедших к этому моменту уже трех постановлений, касавшихся различных сфер искусства, в том числе театра.

Потом высказался ответственный редактор газеты Б.Н. Назаровский, который сказал о том, что люди идейно выросли и подчеркнул, что идет борьба двух идеологий, что интеллигенция демонстрирует идеологический настрой на противодействие западному влиянию. Он заявил о недопустимости проникновения произведений таких писателей, как Зощенко и Ахматова, в молодежную среду. В связи с этим не вполне логично выделил важность работы редакции в направлении сотрудничества с местными писателями и освещением правильных литературных произведений.

В заключение, открытое собрание постановило принять решение ЦК по трем постановлениям сразу «как программу действия в освещении вопросов идеологии». Также было решено увеличить освещение культурной жизни города и показ достижений «с точки зрения программы новой общественной морали и новых качеств советского человека»³¹.

Немаловажно заметить, что постановление «О журналах «Звезда» и «Ленинград», помимо всего прочего, положило начало кампании по борьбе с

³⁰ Пермский государственный архив социально-политической истории (далее – ПермГАСПИ). Ф.80. Оп.1. Д.231. Л.27об.

³¹ Там же. Л.28.

«низкопоклонством» перед Западом. Рассматривая кампанию в этом ключе, стоит обратить внимание, на соответствующие обвинения А.А. Жданова, так как они отражают сущность идеологической политики партии в сфере художественной культуры на протяжении всего послевоенного десятилетия: «Не случайно, что в литературных журналах стали увлекаться современной низкопробной буржуазной литературой Запада. Некоторые наши литераторы стали рассматривать себя не как учителей, а как учеников буржуазно-мещанских литераторов, стали сбиваться на тон низкопоклонства и преклонения перед мещанской литературой»³².

Таким образом, можно говорить о подготовке почвы к развернувшейся вскоре борьбе с космополитизмом, которая приобрела антисемитский подтекст. Об этом упоминает Г.В. Костырченко, анализируя антисемитскую кампанию: «некоторых авторов уже критиковали за содержащийся в их произведениях «дух низкопоклонства по отношению ко всему иностранному». Оскорбительные ярлыки, вроде «безродный космополит», власти еще не решались пустить в ход, возможно, потому, что шовинистическая кампания только набирала силу»³³.

Постановление, безусловно, было направлено непосредственно на литературу и литературные журналы, но, по мнению А.А. Данилова и А.В. Пыжикова, «значение этого постановления, причем не столько в идеологической сфере, намного серьезнее и глубже. По существу, на основе этого казалось бы сугубо идейно-политического решения Центрального Комитета был отработан формат атаки на ленинградскую группу»³⁴.

³² Цит. по: Бабиченко Д.Л. Жданов, Маленков и дело Ленинградских журналов. С. 206.

³³ Костырченко Г.В. Идеологические чистки второй половины 40-х годов: псевдопатриоты против псевдокосмополитов. М.: РГГУ, 1997. С. 95.

³⁴ Данилов А.А., Пыжиков А.В. Указ. соч. С. 102.

В середине октября проходило заседание бюро Молотовского Обкома ВКП(б). В повестке дня значился пункт «О разъяснении постановлений ЦК ВКП(б) «О журналах «Звезда» и «Ленинград», «О репертуаре драматических театров», «О кинофильме «Большая жизнь» и доклада тов. Жданова А.А. на собрании партийного актива города Ленинграда». В документе не зафиксировано обсуждение указанного вопроса, но имеются указания бюро, по которым мы можем проследить, как кампания вводилась в Молотовской области. Горкомам было рекомендовано «провести открытые собрания партактива для обсуждения вопроса о решении ЦК ВКП(б) по вопросам идеологической работы»³⁵, а также обсудить состояние идеологической работы и меры по повышению идейно-политического уровня руководящих кадров и интеллигенции. Важно обратить внимание, что партия особо выделяла интеллигенцию, чей идейный уровень должен быть выше. Именно интеллигенция должна стать передатчиком воли партии, инструментом для изменения общественного сознания, одной из важнейших составляющих идеологических кампаний в целом.

Следует отметить, что горкомам, в отличие от райкомов, поставили более конкретные задачи (вторым просто рекомендовано организовать собрание) и определили более узкие временные рамки (октябрь для горкомов и середина ноября для райкомов). Несмотря на то, что в сферу влияния райкомов входило большое количество населенных пунктов, и, значит, им были необходимы более конкретные инструкции, указания горкомам были гораздо жестче. Мы можем предположить, что это было обусловлено, в первую очередь, стремлением обкома выполнить формальные действия для отчетов, не сильно изменяя реальную идеологическую работу в регионе. Кроме того, постановления были направлены, прежде всего, на интеллигенцию, которая, в свою очередь, была сконцентрирована в городах.

³⁵ ПермГАСПИ. Ф.105. Оп. 12. Д.78. Л.8.

Молотовскому горкому было предложено провести по этому вопросу городское собрание научных работников, а также актива студентов. Партийным организациям учебных заведений – провести открытые собрания и широкое разъяснение постановлений студентам. Также горкомам и райкомам рекомендуется устроить собрания для учителей. Таким образом можно выделить ту часть интеллигенции, на которую, в первую очередь, рассчитывает партия в вопросах идеологического воспитания: руководители и научные работники, студенчество, педагоги³⁶.

На том же заседании было высказано предложение созвать совещание по вопросам идеологической работы для работников агитпропа, редакторов газет, заведующих отделов культпросветработы³⁷. По этому списку мы видим, с помощью каких инструментов приводилась действие идеологическая кампания: агитпроп – лекции по идеологической работе для руководителей, газеты – расширение публикаций на тему культуры для формирования правильных идеологических ориентиров, культпросвет – практическая деятельность по внедрению новых идей.

В справке отдела агитпропа Молотовского горкома к отделу агитпропа обкома от 6 ноября 1946 г. отображен отчет о реализации упоминаемого постановления Обкома ВКП(б). Если верить ему, все меры, предписываемые постановлением к этому сроку, были выполнены: организованы собрания городского партийного актива, работников искусства, ученых и учителей, студенческого актива города, партийных и комсомольских организаций вузов, а также нескольких заводов. Таким образом, менее чем за две недели было организовано большое количество массовых мероприятий, что говорит о важности подобных собраний, как для участников, так и для партийных руководителей города и области³⁸.

³⁶ ПермГАСПИ. Ф.105. Оп. 12. Д.78. Л.9.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же. Д.398. Л.30.

В справке указываются дата собрания, примерное количество участников, основные тезисы или принятые решения, отражающие в основном недостаточное идейное воспитание и слабое культурное развитие молодежи. В некоторых представлены участники обсуждения, например, в отчете о собрании партийного актива города написано: «В прениях выступили проф. Залкинд, зав. Гороно тов. Волкова, зав. отделом пропаганды и агитации Сталинского РК ВКП(б) тов. Коротков, директор театра оперы и балета Ходес и многие др.»³⁹.

Как мы видим, отчет составлялся таким образом, чтобы продемонстрировать достижения и успехи прошедших мероприятий, недостатки не подчеркиваются, а скорее скрываются за остальной массой текста. Протоколы самих собраний обнаружить не удалось, хотя они могли бы ответить на некоторые вопросы, появилась бы возможность проследить личные позиции видных деятелей города по вопросу идеологии.

Постановление «О журналах «Звезда» и «Ленинград» положило начало кампании критики деятелей искусства за идеологическую неустойчивость. Агрессивная риторика постановления демонстрировала недовольство работой журналов. Однако все выпады касались публикации литературных произведений чуждого идейного содержания. Постановление получилось в большей степени эмоциональным, чем системным.

Указания в конце текста постановления относятся непосредственно к самим журналам, организациям и их руководителям, а также к писателям. Постановление служило средством для пробуждения и активизации творческой интеллигенции, которой предстояло повысить идейное содержание произведений и сформировать у читателей образы новых советских идеалов. Именно поэтому оно и должно было быть эмоциональным, а последовавшие разъяснения Жданова помогли сделать его более рациональным и ясным для общественности.

³⁹ ПермГАСПИ. Ф.105. Оп.12. Д.398. Л.30.

Организациям, относящимся к сфере культуры, а в частности литературе, необходимо было объяснить, что ЦК необходимы произведения нового характера, в которых на первое место должен выйти советский патриотизм и непримиримая борьба с проявлениями буржуазных ценностей. Основной задачей самого постановления было не выделение положительных моментов, на которые нужно равняться, а явственная демонстрация допущенных ошибок и наказание за них ответственных лиц. Журнал «Ленинград» по указанию ЦК был закрыт, а все силы и максимальный контроль был направлен на устройство и обновление в нужном русле журнала «Звезда».

Следом за первым постановлением, уже 26 августа 1946 г., в свет вышло постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению». Объектом критики стало театральное искусство. В документе говорилось о серьезных изъянах в состоянии репертуара театров⁴⁰.

Содержание этого постановления сильно отличалось от критики в адрес журналов. Критика репертуара выглядела более системной. Несмотря на наличие жёстких характеристик («лживо», «примитивно», «пошло»), в большей степени использовались положительные конструкции, такие как «воспитание трудящихся», «развитие искусства» и т.п.

В качестве главного недостатка отмечалось вытеснение из репертуара пьес советских авторов на современные темы. Указывалось, что среди тех, которые ставились, были слабые и безыдейные пьесы, создающие неправильное, искаженное представление о советской жизни. Причиной

⁴⁰ См.: Постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению» 26 августа 1946 г. // Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) – ВКП(б), ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике. 1917-1953 / Под ред. А.Н. Яковлева; сост. А.Н. Артизов, О.В. Наумов. М.: Международный фонд «Демократия», 1999. – С. 591.

такого положения дел в театральном искусстве было названо то, что Комитет по делам искусств не справляется со своими обязанностями, внедряет в репертуар театров пьесы буржуазных зарубежных драматургов, что является попыткой отравить сознание советских людей враждебным мировоззрением. Вновь досталось Союзу советских писателей, который был обвинен в бездействии по повышению идейно-политического уровня создаваемых произведений.

Постановление содержало большое количество требований к работникам сферы театра и относящихся к ней организаций. Объект, на который направлено постановление, предстает в виде целой массы театров, пьес, театральных деятелей и т.п. В постановлении упоминаются многие из крупнейших театров Союза. ЦК обозначил конкретные задачи: мобилизовать силы творческой интеллигенции для достижения большей идейности произведений и для выявления идеологически вредных постановок и исключения их из репертуара, «создать яркие, полноценные в художественном отношении произведения», «способствовать дальнейшему развитию лучших сторон характера советского человека»⁴¹.

Указывались количественные показатели идейно правильных произведений, предлагалось осуществлять усиленный контроль репертуаров театров, увеличивать количество публикаций в прессе о театральных постановках, уменьшать количество инстанций, занимающихся рассмотрением пьес. Кроме того, предлагалось организовать конкурс новых пьес советских писателей. Для более эффективной работы по улучшению репертуара и поднятию уровня идейности советского театра рекомендовалось наладить сотрудничество Комитета по делам искусств и Союза писателей.

⁴¹ См.: Постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению» 26 августа 1946 г. // Власть и художественная интеллигенция... С. 594.

Если сравнивать все четыре постановления, выстраивавших идеологические ориентиры в сфере культуры, это постановление отличал наиболее конструктивный и положительный тон. Риторика не была столь агрессивна, как в первом постановлении. В отличие от первого постановления, в постановлении «О репертуаре драматических театров» акцент был сделан не на личностях, а на общей работе театрального цеха, ответственность за «провалы» возложили на руководящие организации.

В начале октября 1946 г. было проведено закрытое партийное собрание Молотовского драмтеатра. Одним из вопросов повестки дня было изучение постановления ЦК ВКП(б) «О репертуаре драматических театров». Прозвучал короткий доклад, в котором главными тезисами было улучшение работы по линии производственной и партийной организации, пересмотр творческих позиций и репертуара, необходимость широкого обсуждения недостатков работы.

Последний тезис был особо поддержан выступающими, они сделали акцент на недостаточном контроле выполнения указаний партийной ячейки театра. Было принято решение «в ближайшие дни провести открытое партсобрание с повесткой дня: «Три исторических решения ЦК ВКП(б)», поставив во главу угла прений вопросы нашего производства, идеологической направленности, вопросы критики и самокритики»⁴².

Стоит отметить показное рвение театральных деятелей к исполнению воли партии и возвеличивание постановлений, что было типичной ритуальной практикой того времени.

Сегодня у нас есть возможность ознакомиться с докладными записками об изменениях в трех разных театрах городов Молотовской области: Краснокамском, Кизеловском и Березниковском драматических театрах. Во всех трех случаях докладные были написаны людьми, имеющими отношение к конкретному театру и знающими о реальном положении дел в них, однако

⁴² ПермГАСПИ. Ф. 20. Оп. 1. Д. 3376. Л. 44об.

имена и должности в записках не указаны. Все записки датированы 1949 г. Уже из этого можно сделать вывод, что спустя более двух лет после выхода постановлений ЦК работа театров так и не была полностью перестроена.

Записка Краснокамского агитпропа о выполнении постановления в большей степени отражает стремление автора показать замену старых, неудачных в идейном плане постановок на новые близкие советскому человеку. В ней делается упор на демонстрацию повышения идейно-художественного уровня театра. Например, судя по записке, совещания, проводимые в театре, «вызывали большую активность творческих работников и на основе большевистской критики и самокритики, подняли качество работы каждого актера в отдельности и спектакля в целом»⁴³.

Записка, характеризующая ситуацию в Кизеловском драмтеатре, написана в негативном ключе. Она изобилует критикой театра: «плохо театр работал и над классическими произведениями наспех, без серьезной и вдумчивой работы»⁴⁴. Оценивая работу театра в 1948 г., автор записки пишет, что «изменений по-прежнему мало», театр до сих пор на низком уровне. Правда, композиция записки в целом дает высокопоставленному читателю надежду на скорые изменения в лучшую сторону.

Березниковский драматический театр, судя по докладной записке, во многом изменился за последнее время: идейность постановок возросла, коллектив театра рад работать вместе над новыми, идеологически цельными пьесами, трудящиеся города довольны. Риторика записки сугубо положительная: «Творческий коллектив с большой любовью работал над замечательными произведениями советской драматургии»⁴⁵. Этот фрагмент полностью отражает характер отчета, в котором не нашлось места негативным проявлениям. Показательно, что в этой записке постановления

⁴³ ПермГАСПИ. Ф. 105. Оп. 15. Д. 483. Л. 85.

⁴⁴ Там же. Л. 89.

⁴⁵ Там же. Л. 93.

названы историческими и им отводится главная роль в произошедших изменениях.

На основании докладных записок мы можем сделать вывод о том, что во всей театральной сфере произошли определенные изменения, вызванные реализацией изучаемых постановлений ЦК. Однако, неравномерность перестройки на протяжении довольно длительного времени свидетельствует о несовершенстве системы мер и механизмов внедрения новой идеологии. Есть важная схожая черта всех докладных записок – упоминание отношения зрителей к работе театра и их постановкам, что указывает на то, что мысль о том, что театральное искусство должно быть обращено к народу с понятными для них темами и образами, закрепились в сознании творческой интеллигенции и руководителей.

4 сентября появляется еще одно постановление, вошедшее в серию идеологических постановлений ЦК ВКП(б) 1946 г. На этот раз оно касалось киноискусства - «О кинофильме «Большая жизнь». Оно написано по похожей схеме. На этот раз были вскрыты «серьезные изъяны» в работе Министерства кинематографии и «идейно-художественные ошибки» в картинах ведущих советских кинорежиссеров. Были названы имена С. Эйзенштейна, В. Пудовкина, Л. Лукова, Г. Козинцева и Л. Трауберга. Наиболее резкой критике подверглись фильмы «Большая жизнь», «Адмирал Нахимов» и «Иван Грозный». Фильмы критиковались за искажение исторических фактов и беззаботность в отношении идейно-политического содержания⁴⁶.

Особенностью третьего постановления можно назвать детальный разбор идейных ошибок, допущенных в фильмах, выпущенных на экраны. Постановление указывает не просто путь, которого следует придерживаться для достижения идейности кинокартин, а показывает на примерах, как делать не нужно и что конкретно необходимо исправить.

⁴⁶ См.: Постановление ЦК ВКП(б) «О кинофильме «Большая жизнь» от 4 сентября 1946 г. // Власть и художественная интеллигенция... С. 600.

В тексте постановления разбирается содержание фильмов, ключевые ошибки авторов, которые связаны во многом с «неправильным», «лживым» изображением персонажей, их взаимоотношений и положением дел в советском государстве в целом, на примере Донбасса. С точки зрения сочинивших постановление идеологов, неприемлемо показывать в фильме ситуации, когда инициатива рабочих не поддерживается со стороны государства, когда партия может исключить из своих рядов людей, проявляющих заботу о народном хозяйстве. Изображение партийных деятелей с отрицательными чертами характера становится недопустимым.

Помимо разбора ошибок самого фильма, в тексте традиционно критикуется работа организаций, отвечающих за выпуск фильмов. Также в постановлении достаточно активно внедряется образ советского человека, которому подобные фильмы и интерпретации жизненных ситуаций должны быть чужды. Этим у читателя формируется неприятие к фильму и людям, его поддерживающим.

Подробный разбор идеологически неправильного сюжета фильма должен помочь работникам искусства детально понять, что может быть отражено в произведении, а от чего лучше отказаться. Также в тексте обращается прямая угроза тем работникам культуры, кто все еще не осознал важность изменения своей позиции: «Работники искусств должны понять, что те из них, кто и впредь будет безответственно и легкомысленно относиться к своему делу, легко могут оказаться за бортом передового советского искусства и выйти в тираж»⁴⁷. При этом указания в конце текста оказались самыми короткими из трех постановлений. ЦК запретил выпуск фильма «Большая жизнь» и предложил Министерству кинематографии и Художественному совету сделать выводы из критики фильма, а также перестроить работу должным образом. Таким образом, третье постановление

⁴⁷ Цит. по: Власть и художественная интеллигенция... С. 602.

провозглашает намеченный курс на то, каким образом должно развиваться искусство в СССР, отмечает необходимость связанной с ним перестройки.

Перед киноискусством, как и перед другими отраслями искусства, ставилась задача воспитания народа в духе советского патриотизма. Киноискусство не должно было порождать сомнения в правильности советского строя, оно было призвано насаждать социальный оптимизм, укреплять веру в неизбежность коммунизма, способствовать сплочению народа вокруг вождя. Кинематографу, как самому массовому виду искусств, указывалось на ошибки наиболее подробно. Зритель должен был в кратчайшие сроки увидеть фильмы с новым идейным содержанием, в которых советский человек представлен максимально патриотично и идеализированно.

В отчете зав. сектора культуры и искусства отдела агитации и пропаганды Молотовского обкома Высотиной, датированного октябром 1946 г., содержится информация о проделанной работе за сентябрь-октябрь 1946 г. по совещаниям и лекциям для работников культпросвета и отделов кинофикации. Первая часть отчета содержит количественную информацию о мероприятиях по разъяснению постановлений и изменениях в идеологической работе, проведенных в области. В частности, были проведены собрания во всех театрах, в филармонии, во всех организациях, имеющих прямое отношение к искусству, таких, как отделение Союза писателей и союза художников. Для повышения «идейного уровня артистов, режиссеров, художников гор. Молотова организован филиал при городском вечернем университете марксизма-ленинизма»⁴⁸.

Во второй части отчета содержалась информация о практических изменениях в работе учреждений культуры. Были пересмотрены репертуары театров, филармонии, а также художественной самодеятельности. В целом отчет должен был свидетельствовать о выходе местного искусства на новый

⁴⁸ ПермГАСПИ. Ф. 105. Оп. 12. Д. 398. Л. 79.

идейный уровень, о проведенной работе над ошибками и над новыми идейно-правильными произведениями и постановками, а именно этого и требовали постановления в сфере культуры.

Как можно заметить, кампания в культуре редко разделялась на отдельные постановления, а чаще осуществлялась и воспринималась как единое целое.

В 1948 г. в Молотове прошло совещание о ходе выполнения постановлений. С докладом выступил начальник областного отдела по делам искусств тов. Кузнецов. Конкретные результаты в докладе не назывались, большинство фраз имели общий характер, и в них ритуально подчеркивалась значимость постановлений, говорилось о мобилизации всех работников искусства для решения задач, поставленных партией, о больших достижениях советского театра, а также о необходимости быть бдительными и продолжать работу по повышению идейного уровня искусства.

В большей степени в докладе затрагивался театр и достижения в театральной сфере. Докладчик уделил внимание не только похвале, делая акцент на том что «было бы большим благодушием сейчас утверждать, что советский театр уже вышел из состояния кризиса»⁴⁹. Доклад был построен по принятым канонам: освещалась проделанная работа, подчеркивалась важность постановлений, значимость роли партии и лично Сталина в успехах искусства, говорилось о необходимости двигаться дальше и наращивать успехи, которых уже удалось достичь, не забывая при этом про критику и самокритику.

Таким образом, ЦК ВКП(б) за три недели выпустил три постановления, оказавшие мощное давление на советскую культуру. Не случайно в исследованиях, посвященным культуре и кампаниям послевоенного времени, эти три постановления чаще всего рассматриваются неразрывно друг от друга, как единая кампания, хотя первому постановлению, положившему

⁴⁹ ПермГАСПИ. Ф. 8187. Оп. 1. Д. 3. Л. 31.

начало большому периоду идеологической перестройки искусства, уделяется большее внимание.

Четвертое постановление «Об опере «Великая дружба» В. Мурадели» вышло в феврале 1948 г. Начинается оно непосредственно с критики оперы «Великая дружба»: неправильный сюжет, музыка в опере «невыразительна», «бедна», «сумбурна» и «дисгармонична». В укор композитору ставится пренебрежение лучшими традициями музыки. При описании положительных сторон музыки, которыми автор не воспользовался, используются разнообразные красочные эпитеты, чтобы подчеркнуть несостоятельность Мурадели в профессиональной деятельности. Далее следует критика еще нескольких композиторов, таких как Д.Д. Шостакович, С.С. Прокофьев, А.И. Хачатурян, В.Я. Шебалин, Г.Н. Попов. Акцент делается на непонятности и сложности для народного восприятия музыкальных композиций обозначенных авторов. А также подчеркивается, что ими не учтены рекомендации, данные в ранее вышедших постановлениях по искусству⁵⁰.

Советское музыкальное авторство, по мнению ЦК, поддалось тлетворному воздействию буржуазной культуры. Красной нитью сквозь все постановление проходит противопоставление композиторов и их музыки к советскому народу, чьи потребности музыкальная сфера не удовлетворяет. Работа организаций, отвечающих за музыкально-театральную сферу, была признана неудовлетворительной.

ЦК постановил осудить формалистическое направление в музыке, принять необходимые меры для исправления указанных недостатков, призвать композиторов «проникнуться сознанием высоких запросов» советского народа, одобрить мероприятия по улучшению музыкального дела. Как всегда, при описании важности подъема идейности и общего уровня

⁵⁰ См.: Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «Об опере «Великая дружба» В. Мурадели» от 10 февраля 1948 г. // Власть и художественная интеллигенция... С. 631.

направления, используется большое количество красочных речевых конструкций, делается это для пробуждения патриотического духа в целевой аудитории постановления⁵¹.

Из всех акций, относящихся к художественной культуре, постановлению «Об опере «Великая дружба» В. Мурадели» в исторических исследованиях уделено меньшее внимание. Несмотря на хронологический разрыв в публикации, это постановление было написано в стиле первых трёх и стало логическим завершением серии активных мер к изменению культурной среды в Советском Союзе.

14 февраля 1948 г., то есть через четыре дня после выхода постановления, состоялось открытое партийное собрание Молотовского Государственного театра оперы и балета. Столь быструю реакцию можно объяснить тем, что, к 1948 г. многие деятели искусств уже поняли, каким именно образом необходимо реагировать на подобные акции. Кроме того, Молотовский театр оперы и балета считался одним из передовых театров союза, стало быть, его руководство было обязано отреагировать в максимально сжатые сроки. Помимо работников театра, на собрании присутствовали секретарь обкома ВКП(б), секретарь Ленинского райкома партии, начальник городского отдела искусств и заведующий молотовским издательством. Присутствие важных городских партийных функционеров показывало важность собрания и обсуждения вопроса о постановлении.

Важно заметить, что осужденная опера была поставлена в театре и показывалась зрителям. Перед собранием с докладом по постановлению выступил директор и художественный руководитель оперного театра С.Г. Ходес. Перед прениями директору театра был задан вопрос по поводу дальнейшей судьбы еще двух постановок: «Севастопольцы» и «Милица». Ответ можно считать показательным: «Пока никаких оснований к снятию

⁵¹ Цит. по: Власть и художественная интеллигенция... С. 634.

этих спектаклей у нас нет, а также нет никаких замечаний со стороны общественных и партийных организаций»⁵².

Таким образом, позиция директора и других деятелей искусства состояла в ожидании решений партии. Собственная позиция могла быть рискованной, поэтому многие представители интеллигенции ждали официальных заявлений, прежде чем высказаться.

В прениях высказывались многие, все соглашались с правильностью постановления. Часть говорит о том, что «некоторые вопросы об этой опере у меня возникали»⁵³, пытаясь таким образом обезопасить себя. Однако, подобными заявлениями можно было навлечь неприятности, например, на своего руководителя. Многие из выступавших, по существу, уклонились от идеологических разоблачений, говорили о слабой музыкальной составляющей. Артисты, в основном, высказывались о недостатках оперы на примере своих музыкальных частей.

Интересно, что некоторые выступающие попытались перенести разговор на обсуждение насущных и наиболее болезненных вопросов, делая вид, что хотят разобраться в причинах слабых мест в искусстве. Например, главный дирижер театра А.А. Людмилин поднял острый вопрос: «Молотовское музыкальное училище является для нашего города насущным, у нас крайняя нужда кадрах, однако это училище влачит жалкое существование»⁵⁴, подчеркивая, что такие проблемы сказываются на общем уровне искусства.

В прениях высказывались разные мнения, но в одном оказались солидарны все: оперу осудили правильно, есть необходимость в усиленном контроле за репертуаром. Также многие сошлись в том, что для повышения уровня культуры всем деятелям искусства необходимо объединяться в кружки, проводить в них обсуждения, собрания и выступления.

⁵² ПермГАСПИ. Ф. 20. Оп. 1. Д. 3307. Л. 8.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же. Л. 8об.

В конце собрания секретарь обкома партии Лешенко выразил недовольство позицией театральных деятелей: «надо предъявлять к себе больше требовательности»⁵⁵. Действительно, причина для начальственного раздражения имелаась: на протяжении всего собрания работники театра, фактически, пытались всячески оправдаться, нежели признать собственные ошибки и высказаться за большую бдительность и самокритику, что свидетельствовало бы о большей лояльности.

Мы видим, что в такие моменты роли участников распределялись достаточно четко: партийные деятели становятся своего рода обвинителями, призывающими к большей ответственности за собственную работу и самокритике, а работники искусства начинали оправдывать свои действия, пытаясь отвести от себя возможную угрозу.

Далее, для сравнения, рассмотрим собрание Чусовского горкома партии с деятелями культуры, состоявшееся 23 февраля 1948 г. Высказывания всех выступающих в прениях после доклада можно охарактеризовать как рьяную поддержку решения ЦК. В их речи использовалось много красочных речевых конструкций, таких, как «горячо приветствую», «с радостью встретила», что демонстрирует эмоциональность речи выступающих. Участники осуждали композиторов, пишущих недостойную советского человека музыку, предлагали с большим рвением выступать за высокую идейность советской культуры. «Постановление ЦК ВКП(б) в области музыки вызывает в нас радостное чувство»,⁵⁶ - сказал один из выступающих.

Можно задать риторический вопрос: почему мы не видим таких же радостных чувств у тех, кто находится в эпицентре обсуждения? Возможно, в этом заключается характерная особенность кампании в целом: одновременно охвачены страхом те, кто находится в непосредственной близости к теме

⁵⁵ ПермГАСПИ. Ф. 20. Оп. 1. Д. 3307. Л. 10об.

⁵⁶ Там же. Ф. 105. Оп. 14. Д. 484. Л. 17.

постановления, а воодушевлены будущим советского искусства те, кого последствия «взрыва» задеть не смогут.

В марте 1949 г., через год после выхода постановления Молотовский обком ВКП(б) разослал письмо, адресованное секретарям ГК, РК ВКП(б), первичных партийных и комсомольских организаций, председателям фабрично-заводских комитетов, профкомов, директорам заводов, руководителям предприятий, учреждений и учебных заведений городов Молотова и Краснокамска, в котором содержался призыв к повышению интереса к опере и балету: к организации коллективных походов в театр, проведению лекций и бесед и т.д.⁵⁷

В письме сообщается, что за прошедший год в оперном театре были произведены должные изменения, поднят идейный уровень постановок, а значит, этими идеями должны проникнуться зрители. Подобное письмо для нас является ценным источником, демонстрирующим финальную стадию реализации постановления, когда итоговый «продукт» должен дойти до потребителя, а значит для этого необходимо использовать добровольно-принудительное посещение театра. Вот какими словами заканчивается письмо: «Все мероприятия по организации зрителя для посещения оперно-балетных спектаклей в Молотовском театре оперы и балета необходимо рассматривать как важное политическое мероприятие по пропаганде музыкального искусства и приобщения трудящихся к высокой музыкальной культуре»⁵⁸.

Таким образом, серия постановлений об идейных ориентирах в искусстве сыграла огромную роль для культурной среды СССР. Постановления коснулись почти всех сфер массового искусства, которые оказывают влияние на широкие слои общества: литература, театр, кино и музыка. Постановления вызвали широкий резонанс, на что и были

⁵⁷ ПермГАСПИ. Ф. 105. Оп. 15. Д. 454. Л. 48.

⁵⁸ Там же. Л. 48об.

рассчитаны кампании, предполагавшие освещение поднятых вопросов в СМИ, обсуждение их на партийных собраниях различного уровня. Одним из следствий стало серьезное ужесточение цензуры, что проявлялось в усиленной работе Главлита, как главного цензурного органа.

Было задано идеологически определенное направление в развитии советского искусства. Работники культуры были обязаны изменить свои взгляды на искусство и, особенно, на идеологическую составляющую каждого произведения, выходящего в свет. Постановления повлияли на внутреннее устройство и руководство различных творческих организаций, они изменили творческую среду, сделав её более озлобленной и зажатой, но, самое главное, они создали образ чуждого, образ врага.

Идеологическая кампания в искусстве и культуре, вводимая с помощью постановлений ЦК, была цельной и структурированной, на что указывают факты, выявленные нами в процессе анализа постановлений. Каждое постановление имело свое место в кампании и играло определенную роль. Постановление «О журналах «Звезда» и «Ленинград» играло роль своеобразного будильника, его целью было показать творческой интеллигенции неизбежность грядущих перемен, направленных, прежде всего, на борьбу с тлетворным влиянием Запада, а риторика постановления показала, что применяемые меры будут жесткими.

Постановление «О репертуаре драматических театров» сыграло системообразующую и воодушевляющую роль. Оно показало, каким будет новый курс, определило основные положения культурной кампании в позитивном ключе. Именно в этом постановлении преобладают прямые указания к изменениям.

Постановление «О кинофильме «Большая жизнь» играет роль «разъяснителя», именно в этом постановлении подробно разбираются идейные ошибки, допущенные авторами. Говорится о том, чего нельзя допускать в своих произведениях, и ясно очерчивается новый образ

советского человека, который должен стать главным положительным героем всех произведений.

И, наконец, постановление «Об опере «Великая дружба» В. Мурадели» несет контролирующую функцию, напоминая о том, что перестроения еще не закончились, и партия по-прежнему контролирует весь процесс. Именно поэтому оно было выпущено спустя полтора года после первых трех постановлений, освежая предыдущие установки и рекомендации.

Глава 2. Идеологический контроль в сфере науки

Начальный период послевоенного времени был связан с большими надеждами интеллигенции на ослабление режима и либерализацию курса. Кампании в культуре рассеяли эти сомнения. Становилось ясно, что рассчитывать на большую свободу, чем раньше, бессмысленно, скорее, наоборот. Обострение отношений с Западом стало дополнительным фактором, усилившим борьбу с буржуазным влиянием, в особенности в научной сфере, где единство мира – важная составляющая обмена достижениями. Наука в то время терпит огромные потери: запрещается сотрудничество с зарубежными учеными, работы, предполагающие такое сотрудничество, не получают должного развития; отсутствует разнообразие научных концепций, большинство из них не может конкурировать с главенствующими в мировой науке теориями. Для борьбы с «неудобными» учеными и научными направлениями был призван новый метод – дискуссии. Как отмечает Е.Ю.Зубкова, «форма дискуссии представлялась очень удобной — из-за своего внешнего демократизма и соответствия популярным лозунгам критики и самокритики»⁵⁹.

В 1948 г. были организованы две дискуссии – по философии и экономике. Дискуссия по философии коснулась работы Г.Ф. Александрова «История западноевропейской философии». А.А. Данилов и А.В. Пыжиков в своей работе пишут: «Книга подвергалась критике за объективизм, терпимость к идеализму и декадентству, за отсутствие полемического задора в критике философских противников»⁶⁰. Так, недостаточная критика западных ценностей и достижений становилась причиной гонений. Под давление попадали все, в том числе ранее зарекомендовавшие себя ученые.

Важно заметить, что за год до дискуссии по философии, за эту самую работу Александров получил Сталинскую премию. Это указывало

⁵⁹ Зубкова Е.Ю. Указ. соч. С. 193.

⁶⁰ Данилов А.А., Пыжиков А.В. Указ. соч. С. 176.

работникам научной сферы, на необходимость пересмотра своих взглядов и большую идеологизацию собственных работ, а также на отсутствие «иммунитета» в этом вопросе для кого бы то ни было.

Некоторые исследователи выделяют в этой дискуссии еще один важный фактор – внутрипартийную борьбу. Г.Ф. Александров был ставленником Г.М. Маленкова, который после войны, в связи с делом авиаторов, ненадолго потерял свое влияние. «Одновременно кремлевское руководство снимало с постов, понижало в должностях таких пропагандистов, как Г.Ф. Александров – считает А.В. Фатеев. - Формальный повод для отстранения мог быть любой: «зазнайство», «нескромность», преклонение перед западноевропейской наукой и т.п. Однако причина была иной: происходила смена руководителей, которые в период Второй мировой войны и сразу после нее осуществляли более гибкую пропаганду в отношении ставших уже бывшими союзников – США, Великобритании»⁶¹.

Какой бы не была истинная причина, итогом дискуссии стало снятие Александрова с поста начальника Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), а дискуссия по философии стала одной из акций, призванных усилить контроль за советской наукой.

Следом за дискуссией по философии последовала дискуссия по книге Е.С. Варги «Изменения в экономике капитализма в итоге Второй мировой войны» (1946). Особой критике в книге подверглись главы «Взросшая роль государства в экономике капиталистических стран» и «Регулирование хозяйства и бесплановость в капиталистических странах во время войны». Их вывод о возможности функционирования «организованного капитализма» расценивался как научная и политическая ошибка. Критиковались мысли, посвященные прогрессу производительных сил капитализма, в этом усматривался достойный осуждения «технико-экономический уклон».

⁶¹ Фатеев А.В. Образ врага в советской пропаганде. 1945-1954 гг. М.: ИРИ РАН, 1999. – С. 82.

Несмотря на заслуги в исследованиях мировой экономики и личное знакомство со Сталиным, работа Варги была резко осуждена, а Институт Мирового Хозяйства и Мировой Политики, которым Варга руководил, через несколько месяцев после дискуссии, был ликвидирован. Главная причина, по мнению П.П. Черкасова, следующая: «Обреченность империализма, в которую свято уверовал Сталин, исходивший из перспективы неизбежной войны с США, делала, по его убеждению, ненужными научные исследования американской и в целом капиталистической экономики»⁶². В том же 1947 году, было дано указание к написанию краткого курса политической экономии, которое растянулось на несколько лет. Курс, взятый на борьбу с западным влиянием, отразился на многих научных течениях, в том числе на изучении мировой экономики.

В феврале 1952 г. в свет вышла статья И.В. Сталина по экономическим вопросам, которая поставила точку в дискуссии по экономике. В статье были выражены замечания по проекту создания учебника по политэкономии, а также давались разъяснения в ключевых вопросах экономической науки и доказывалась возможность построения коммунизма в СССР при капиталистическом окружении⁶³. Для демонстрации значимости статьи приведем слова Г.М. Маленкова из выступления на XIX съезде партии: «Планы партии на будущее, определяющие перспективы и пути нашего движения вперед, опираются на знание экономических законов, опираются на науку о строительстве коммунистического общества, разработанную товарищем Сталиным»⁶⁴.

Каких-либо материалов, связанных с дискуссиями по философии и экономике в документах первичных партийных организаций университетов

⁶² Черкасов П.П. ИМЭМО. Портрет на фоне эпохи. М.: Весь Мир, 2004. С. 56.

⁶³ См.: Сталин И.В. Экономические проблемы социализма в СССР // Сталин И.В. Сочинения. Т. 16. М.: Издательство «Писатель», 1997. С. 154–223.

⁶⁴ Цит. по: Данилов А.А., Пыжиков А.В. Указ. соч. С. 71.

обнаружено не было. Можно предположить, что дискуссии, не были столь директивны, как постановления, не содержали прямых указаний на необходимость широкомасштабных изменений, а значит, не требовали широкого обсуждения в партийных организациях. Однако, важно отметить их роль в формировании напряженной обстановки в научных кругах и формулировании негативной позиции в отношении западной науки.

При работе с архивными документами было обнаружено несколько отчетов о проверках факультетов общественных наук, где, в частности, обращалось внимание на недостатки и содержались некоторые требования к изменению отношения к идеологической и смысловой составляющей занятий, проводимых определенными кафедрами.

В контексте усиления контроля в сфере науки следует рассматривать постановление августовской (1948 г.) сессии ВАСХНИЛ по докладу Т.Д. Лысенко «О положении в биологической науке». Постановление стало разрешением давнего противоборства двух биологических школ. Акция была спровоцирована Т.Д. Лысенко при поддержке лично Сталина. Оппоненты Лысенко, поддерживающие теорию Вейсмана, были разгромлены, а само направление было названо реакционно-идеалистическим. Сложно было представить, что после такого разгрома у данного направления биологической науки были шансы на продолжение дискуссии. Об этом пишет Я.Л. Раппопорт: «Современники были свидетелями, как по политическим соображениям уничтожались крупнейшие ученые. Наряду с этим заведомые невежды вроде О.Б. Лепешинской или Т.Д. Лысенко объявлялись гениями, их «научный» бред – вершиной науки. Были неучи и жулики от науки и поменьше рангом, но они великолепно процветали и благодумствовали под благожелательным покровительством «руководящих» органов и лиц»⁶⁵.

⁶⁵ Раппопорт Я.Л. На рубеже двух эпох. Дело врачей 1953 года. М.: Книга, 1988. С. 128.

Одним из итогов сессии стало перерастание политической борьбы Т.Д. Лысенко со своими оппонентами, в идеологическую борьбу внутри науки. Постановление сессии ВАСХНИЛ предписывало коренным образом перестроить научно-исследовательскую работу в области биологии, пересмотреть программы учебных заведений по разделам биологических наук, организовать работу по созданию новых «высококачественных» учебников и книг, посвященных популяризации мичуринского учения, а также подчинить исследования задачам помощи колхозам, машинно-тракторным станциям и совхозам⁶⁶. Общее влияние постановления на будущее отечественной биологической науки сложно переоценить, так как именно в нем была четко обозначена официальная позиция руководства и однозначно указано направление дальнейшего развития науки.

Через месяц после выхода постановления сессии ВАСХНИЛ – 9 сентября 1948 г., в Молотовском сельхозинституте состоялось закрытое партийное собрание, где был заслушан доклад «О положении в биологической науке». Докладчиком выступил исполняющий обязанности директора института, заведующий кафедрой организации социалистических сельскохозяйственных предприятий М.П. Рабинович. Доклад копировал речь Т.Д. Лысенко.

Рабинович выделил следующие задачи: в кратчайший срок перестроить учебный процесс и переработать программу преподавания биологических наук, перестроить план научно-исследовательской работы, усилить работу кафедр общего земледелия и растениеводства, улучшить работу научно-агрономического общества, партийной организации усилить пропаганду учения И.В. Мичурина и Т.Д. Лысенко и отвести им центральное место в научно-исследовательской работе. После доклада прошли прения, в процессе

⁶⁶ См.: Постановление сессии Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина по докладу академика Т. Д. Лысенко «О положении в биологической науке». – URL: <http://lib.ru/DIALEKTIKA/washniil.txt> (дата обращения: 01.05.2017).

которых осуждалось учение Вейсмана – Моргана. Собрание единодушно постановило одобрить постановление сессии ВАСХНИЛ, которое, как записано в протоколе, знаменовало торжество «мичуринской» биологии. Там же зафиксировано, что собрание «считает долгом партийной организации Ин-та бороться за практическое выполнение этого решения»⁶⁷.

В ходе собрания осуждались некоторые научные работники, которые, по словам выступавших, не приняли постановление должным образом и не признали ошибочность своих работ, в которых отошли от Мичуринского учения. В связи с этим критиковалась работа партийного бюро и директора института. В постановлении собрания говорилось о недостаточной помощи, со стороны института, сельскому хозяйству области: «Партийное собрание признает, что факты проникновения нематериалистических вейсманистско-морганистских в среду научных работников говорят о недостаточной идейно-воспитательной работе среди научных работников и считает необходимым коренное улучшение идейно-воспитательной работы»⁶⁸.

Проанализировав ход собрания и его постановление, можно выделить несколько важных обстоятельств. Несмотря на выход постановления сессии ВАСХНИЛ, некоторые ученые отказывались признавать единственно верным «мичуринское» учение в биологии и не собирались отказываться от собственных исследований, что выглядит очень смело и достойно на фоне действий тех, кто успел моментально поменять свои взгляды в угоду собственной безопасности и спокойствию. До выхода постановления идеи Вейсмана, Моргана, Менделя в институте не являлись запрещенными, а даже поддерживались, собственно, за это и критиковалась работа института. Постановление стало мобилизационным инструментом в борьбе за «идейность науки» в институте, в тексте собрания подчеркивалась важность идеологической работы с сотрудниками института, повышения ее уровня.

⁶⁷ ПермГАСПИ. Ф. 20. Оп. 1. Д. 2881. Л. 44об.

⁶⁸ Там же.

Этот тезис подтверждается справкой о работе Молотовского сельскохозяйственного института в обком ВКП(б): «Все это не могло не оказать благотворного влияния на работу института. Улучшилась, несколько, постановка научно-исследовательской работы. Учебные планы выполняются полностью»⁶⁹. В документе говорится о «скорейшей перестройке», которая случилась благодаря постановлению сессии. В справке предоставляется информация о проведенных мероприятиях по усилению идеологической работы в институте. На первый взгляд, эта работа описывается как успешная. Однако, при более внимательном рассмотрении, становится понятно, что по поручению обкома институт попал под пристальное внимание. Главными виновниками недостатков всей работы института называются т. Лола – директор института и т. Рабинович – заместитель директора (судя по фамилиям – евреи, что, в условиях нарастающего антисемитизма, имело явно негативную коннотацию). После чего подробно рассматривались ошибки руководителей, особо отмечалось «наличие такого количества лиц, внушающих подозрение»⁷⁰.

Претензий к работе таких сотрудников, вроде бы, не было, работали они в институте давно, но все равно попали под подозрение, видимо, по причине того, что когда-то учились или работали за границей. Документ демонстрирует нам чрезмерную и, отчасти, показную бдительность партийного руководства области, которое демонстрировало активность в целях собственной безопасности, дабы не привлечь к местному институту и себе излишнего внимания. В подобных отчетах также можно разглядеть усиление антисемитских настроений, что свидетельствует о набиравшей силу кампании борьбы с космополитизмом, которая будет описана в следующей главе.

⁶⁹ ПермГАСПИ. Ф. 105. Оп. 17. Д. 148. Л. 138.

⁷⁰ Там же.

Постановление сессии ВАСХНИЛ явилось одним из важнейших и показательных мероприятий по усилению контроля в научной сфере. В отличие от «научных» дискуссий, оно прямо требовало кардинальной перестройки целого направления, указывало конкретные цели и необходимый конечный результат. Проверки сельхозинститута указывают на серьезный контроль со стороны ЦК за работой научных и учебных заведений, на которые местные власти начинают оказывать серьезное давление, в том числе, указывая на наличие «подозрительных» лиц среди преподавателей.

Дискуссия по вопросам языкознания, апогеем которой стала работа И.В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», занимает особое место в рамках рассматриваемой кампании. К концу 1940-х годов, признанная в конце 20-х теория Н.Я. Марра о происхождении языков, потребовала пересмотра, по мнению Сталина, который лично принял участие в работе над этим вопросом. В мае 1950 г. на страницах «Правды» вышла статья за авторством грузинского академика А.С. Чикобавы, в которой говорилось о необходимости построения советской системы лингвистики, в которую некоторые теории Марра не вписываются. Видные ученые, приверженцы марристской теории, не знали об участии вождя в этой статье, поэтому она была воспринята в штыки. Писались письма и статьи, опровергающие работу Чикобавы. Но всё это происходило до тех пор, пока в июне не была опубликована статья Сталина «Относительно марксизма в языкознании». Именно она расставила всё по местам, и те, кто изначально вставал в оппозицию Чикобаве, уже забирали свои слова назад и приносили извинения.

Е.Ю. Зубкова пишет о дискуссии в языкознании так: «В 1950 г. (когда началась дискуссия о языке) многие стали уже осторожнее в высказывании оценок и суждений: годы идеологического террора не прошли бесследно. Во всяком случае, опасения «неприятностей» нельзя отнести к категории беспочвенных. И еще немаловажная деталь: весь ход дискуссии по проблемам языкознания убеждает, что людей уже приучили ждать высшего

мнения, сверяя по нему свое собственное. Высшее мнение прозвучало, когда в июне—августе 1950 года в «Правде» появились три статьи Сталина, посвященные этой дискуссии»⁷¹.

Дискуссия в языкознании была развернута с помощью средств массовой печати, в частности, статьи публиковались в главной союзной газете «Правда». Выход статей Сталина по вопросам языкознания перевернул положение в этом вопросе. Именно это и стало официальной позицией власти, чего было вполне достаточно для понимания важности изменений.

Несмотря на отсутствие постановления по данному вопросу, по всему Союзу обсуждали работу «Марксизм и вопросы языкознания». И происходило это на официальном уровне. Созывались совещания и конференции, организовывались собрания и лекции. Молотовскую область это не обошло стороной. В октябре и ноябре 1950 г. в Молотовском государственном Педагогическом институте была проведена проверка учебно-воспитательной работы кафедр русской и зарубежной литературы. На основании справки об итогах проверки мы можем выделить мероприятия, в которых участвовали работники кафедры: специальный семинар научных работников по изучению работы тов. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», научно-теоретическая конференция в институте мировой литературы, теоретическая конференция, посвященная изучению этой работы. Также было проведено объединенное заседание кафедр по вопросу перестройки работы в свете выхода статьи тов. Сталина. Программы курсов были пересмотрены, планы работ кафедр составлены в свете требований работы «Марксизм и вопросы языкознания».

Судя по подробному отчету о состоянии преподавания в Педагогическом институте, крупных проблем не было обнаружено. Замечания, на которые обращают внимание проверяющие, касались методов

⁷¹ Зубкова Е.Ю. Указ. соч. С. 196.

преподавания, но не его содержания, например, «слишком замедленный темп чтения, большие паузы, частые повторы»⁷². На основе справки можно выделить и мероприятия, которые проводились для внедрения новых идей в сферу языкознания. Массовость мероприятий указывает на важность скорейшего понимания научным миром основных тезисов, изложенных в работе Сталина, а проверки демонстрируют серьезный контроль со стороны партии за «правильным» пониманием перемен.

Таким образом, также как и в сфере культуры, контроль начал усиливаться в науке. Механизмы ведения кампаний демонстрируют, насколько разными по целям и содержанию они были. Научные работники науки получили предупреждение от партии о необходимости минимизации западного влияния. Советской партийной элите было важно показать, что развитие науки подконтрольно именно партии, а не самим исследователям. В результате дискуссии и постановления, относящиеся к научной сфере, затормозили развитие некоторых направлений развития научной мысли в нашей стране. В отличие от культуры, где конечной целью кампании было общество в целом, в науке целью стала сама исследовательская среда. Необходимо было изменить сознание не народа в общем, а интеллигенции, научных работников, которым теперь задавался определенный вектор в содержании исследований, теперь они должны были подчинить свою деятельность интересам партии.

Многие исследователи также выделяют в качестве отдельной кампании критику в адрес кибернетики. Однако, представлено не так много информации, подтверждающей серьезные противодействия ученым, работающим в этой области науки. В период с 1952 г. по 1955 г. вышло в свет несколько статей, осуждающих философские основы кибернетики. Достаточно подробно этот вопрос освещается в статье Н. Пивоварова. Вот что он пишет об этом: «Однако миф о гонениях на кибернетику

⁷² ПермГАСПИ. Ф. 105. Оп. 18. Д. 334. Л. 89.

опровергается отсутствием каких-либо документов, отложившихся в фондах высших партийных органов – Политбюро (с конца 1952 г. – Президиуме), Секретариате и Аппарате (в первую очередь в отделах – пропаганды и агитации, науки и вузов, естественных и технических наук, философских и правовых наук, экономических и исторических наук) ЦК ВКП(б)/КПСС. Нами был осуществлён поиск документов в РГАНИ (Российский государственный архив новейшей истории) и РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории), которые инициировали бы данную кампанию, однако ни одного такого документа не было найдено. Это позволяет говорить о том, что данные публикации в советской прессе не были инициированы советским руководством»⁷³. Отсутствие фактов, устанавливающих участие руководителей страны в организации критики кибернетики, даёт нам основание не относить данные события к идеологическим кампаниям в сфере науки.

Таким образом, послевоенное время стало весьма непростым периодом для науки. Давление и контроль в различных научных направлениях с каждым годом набирали обороты. Кампания в научной сфере имела свои особенности: отсутствие связей между акциями, большие хронологические разрывы, различные механизмы внедрения и способы контроля, а также разные цели и причины. Единство кампаний в науке характеризуется необходимостью в большей идейности сферы в целом, а также отрицание всего, что несет в себе буржуазный подтекст.

⁷³ Пивоваров Н. Правда и мифы о гонениях на кибернетику в СССР. - URL: <http://statehistory.ru/4804/Pravda-i-mify-o-goneniyakh-na-kibernetiku-v-SSSR/> (дата обращения: 01.05.2017).

Глава 3. Кампании по противодействию западному влиянию

Третий блок кампаний коснулся не определенной сферы, а идеологического настроения общества в целом. К кампании по противодействию западному влиянию можем отнести дело Ключевой–Роскина, ликвидацию Еврейского антифашистского комитета и смежные с ней акции, а также одно из самых громких дел, завершившее большой период в жизни страны, – дело врачей.

По окончании войны перед советским руководством встал серьезный вопрос о новой мобилизации общества. Предыдущий враг был повержен, а новый пока не появился, поэтому вожди ощутили необходимость в поиске и определении нового врага, в борьбе с которым народ сможет объединиться, а внутренние проблемы страны при этом отойдут на второй план.

Наряду с этим, был взят курс на формирование системы нового советского патриотизма. По этому поводу весьма точен А.В. Фатеев: «на языке официальной пропаганды под советским патриотизмом стало пониматься не что иное, как беспощадная борьба против раболепия и низкопоклонства перед иностранщиной и чуждого советскому народу буржуазного космополитизма»⁷⁴.

За несколько лет мощной борьбы за идеологизацию всех сфер жизни советскому руководству удалось сформировать образ врага, за которым скрывался либо еврей, либо иностранный шпион, а чаще всего обе характеристики объединялись в одном человеке. Идеологические кампании, насаждая идеи советского патриотизма и борьбы с низкопоклонством перед Западом, должны были мобилизовать советской народ перед лицом империалистической угрозы, способствуя, таким образом, самоизоляции СССР и увеличению роли правящей партии во всех сферах общественной жизни.

⁷⁴ Фатеев А.В. Указ. соч. С. 65.

Борьба с низкопоклонством перед Западом брала свое начало в постановлениях о культуре, однако, в них еще не имела такого тотального антисемитского подтекста. «Борьба с космополитизмом плавно перешла в активную государственную антисемитскую кампанию, которая захватила практически все сферы общественной, политической и даже весьма далекой от официальной пропаганды производственной жизни, - пишет Т.М. Горяева. – На протяжении всего периода травли Главлит регулярно издавал оперативные цензорские указания об изъятии книг еврейских авторов»⁷⁵. Мы не можем утверждать об открытой антисемитской установке со стороны руководства, зачастую она была сокрыта в разных подтекстах, но эти подтексты преследовали почти все послевоенные кампании.

Дело Ключевой–Роскина стало первой акцией, которая продемонстрировала напряжение в отношениях с Западом. Оно сделало показательным наказание ученых за сотрудничество с США в сфере науки, хотя изначально это взаимодействие было одобрено руководством.

Это дело положило начало новому способу идеологической работы – «судам чести». О связи судов чести и дела Ключевой–Роскина с предыдущими кампаниями довольно убедительно пишут О.В. Хлевнюк и Й. Горлицкий: «На этот раз мишенью были двое ученых: Н.Г. Ключева и ее муж Г.И. Роскин, работавшие в Москве над препаратами от рака. Основным инструментом новой атаки был «суд чести» — советская версия института царских времен. Жданов был главным кукловодом первого и самого известного из этих процессов — против Ключевой и Роскина, состоявшегося в Москве 5-7 июня в присутствии почти 1,5 тыс. человек. Некоторые ученые считали это логическим продолжением кампаний, проводимых Ждановым в 1946 году. Расправившись с писателями и философами, Жданов теперь пытался сделать то же самое с наукой»⁷⁶.

⁷⁵ Горяева Т.М. Указ. соч. С. 310.

⁷⁶ Хлевнюк О.В., Горлицкий Й. Указ. соч. С. 29.

Суд чести по делу Ключевой–Роскина вышел за пределы Москвы, и его обсуждение по указанию руководства распространилось по всей стране. Это должно было повсеместно запустить суды чести с тотальным осуждением подобных фактов, вычислением предателей Родины и формированием новой идеологической сознательности в обществе и тотального неприятия всего капиталистического мира.

Но за два года по всей стране состоялось лишь около 50 дел. Суды чести, как новый способ общественного порицания, не оправдали себя и, спустя два года после первого дела, были закрыты. Дело КР было организовано в тот же период, что и дискуссии по философии и экономике; научный мир оказался под сильнейшим давлением и пристальным вниманием. Указанием сверху во всех партийных ячейках проводилось обсуждение итогов суда чести по делу Ключевой-Роскина.

Известный пермский историк О.Л. Лейбович отмечает, что дело Ключевой–Роскина зацепило и других видных деятелей, в том числе В.В. Парина, чья семья имела огромное влияние в медицинской жизни г. Молотова. В короткие сроки изменилась расстановка сил в Молотовском медицинском институте и в медицинской среде города в целом. Разгром семьи Париных мог привести к серьезным последствиям не только для региональной медицины, но и для местных руководителей партийной организации.

По мнению О.Л. Лейбовича, первый секретарь Молотовского обкома партии К.М. Хмелевский «сделал все возможное, чтобы дело Ключевой—Роскина не переросло в дело молотовского медицинского института, к чему вольно или невольно стремились рьяные разоблачители из круга А.М. Глебовой — М.А. Козы. Но разрушение дома Париных нельзя было предотвратить. Задача областного партийного руководства заключалась в

том, чтобы под его обломками не погибла медицинская профессура, в том числе — входившая в клан или находившаяся в зоне его притяжения»⁷⁷.

В июле 1947 г. во все партийные организации институтов и университета было направлено закрытое письмо по делу КР, для обсуждения которого в срочном порядке были организованы закрытые собрания парторганизаций.

Коммунисты пединститута для обсуждения закрытого письма по делу КР были собраны 31 июля. Было зачитано письмо, заявление парторганизации Министерства здравоохранения, речь общественного обвинителя и частично решение суда чести. После этого был задан ряд вопросов, касающихся в основном сути дела: о функциях суда чести, об окончательности решения суда, о дальнейших более серьезных открытиях в области рака. Участники собрания сконцентрировались на решении насущных вопросов института, которые, в связи с делом КР, могут отрицательно повлиять на работу и имидж заведения.

Например, тов. Ожегова говорила о необходимости знания исследовательской работы: «Мы мало знаем продукцию нашего института, мы не знаем, что делается нашими химиками, биологами, кто печатал за границей тоже не знаем или чьи работы там перепечатывались»⁷⁸. С.Я. Чумаков говорил, что «нужен контроль не только над печатанием трудов, главное над содержанием лекций. Нет ли там преклонения перед за границей»⁷⁹. В числе важных были выделены вопросы воспитания научных работников, постановки политической работы кафедр, усиления бдительности в институте.

В педагогическом институте постарались воспринять закрытое письмо не как возможность осудить неправильные поступки обвиняемых, а как

⁷⁷ Лейбович О.Л. Указ. соч. С. 67.

⁷⁸ ПермГАСПИ. Ф. 105. Оп. 13. Д. 141. Л. 9.

⁷⁹ Там же. Л. 10.

возможность увидеть собственные недочеты, сконцентрироваться на идейном воспитании и содержании научной работы института.

Если собрание пединститута было срочным, и на нем присутствовало 8 человек, то закрытое партийное собрание Молотовского государственного университета проходило в начале сентября с участием 81 человека. У партийной ячейки университета было время для подготовки к собранию, что отражено в прениях. Каждый из выступающих подготовил объемную речь с обилием красочных речевых конструкций для усиления эмоциональности своего выступления. Например, декан геолого-географического факультета Игнатьев заявил: «Нам, советским людям, чужда национальная спесь и мы внимательно следим за открытиями тех прогрессивных ученых Запада, огни дарований которых вспыхивают в эпоху заката буржуазной культуры»⁸⁰.

Все прения проходили под эгидой борьбы с низкопоклонством перед Западом и недостатками в идейном воспитании советской интеллигенции. Собрание одобрило выводы ЦК ВКП(б) в отношении Ключевой и Роскина, а также указало на то, что постановления в культуре, обличившие факты преклонения перед Западом, должны были быть восприняты как руководство к действию не только деятелями искусства, но и научными работниками. Постановление собрания изобилует призывами к патриотизму и возвышению достижений советской науки, как самой передовой в мире.

В конце протокола по пунктам выделены меры, необходимые для повышения идейности работы университета. Практическая деятельность, по мнению собрания, должна быть направлена на «решительное улучшение постановки марксистско-ленинского образования научных работников»⁸¹. В целом основной уклон в университетском обсуждении дела был сделан на повышение уровня воспитательной работы и расширение знаний о достижениях советской науки. Эмоциональных осуждений поступка

⁸⁰ ПермГАСПИ. Ф. 717. Оп. 1. Д. 85. Л. 107.

⁸¹ Там же. Л. 120.

Клюевой и Роскина, а также обсуждения истории Парина, здесь мы не видим, как и в случае с педагогическим институтом.

Следует обратить внимание еще на три собрания, которые проходили в Бакинституте, Стоматинституте и Мединституте. Все они имели прямое отношение к системе здравоохранения, а, значит, были непосредственно связаны с делом КР.

Собрание в Бакинституте было срочным и прошло 31 июля 1947 г., присутствовало 10 человек. На нем было заслушано закрытое письмо о деле профессоров Клюевой и Роскина. Градус эмоциональности в данном случае был выше, чем в двух ранее описанных собраниях. В словах первого же выступающего фигурирует Парин и его семья: «И мне всегда казалось, что семья Парина является не советской семьей»⁸². Глебова назвала Парина предателем и обвинила его в использовании чужих материалов при написании диссертации. В речи выступающих присутствуют такие слова, как «позорном», «отступники», «предатель», что указывает на эмоциональность выступлений.

Следует отметить и некоторую системность в выступлениях, например, М.О. Подгайская по пунктам разбирает необходимые меры: «1. Показать величие наших дней. 2. Изучать наше великое прошлое. 3. Усилить разоблачение современных буржуазных порядков. 4. Усилить идейно-политическое воспитание наших руководящих кадров»⁸³. Собрание постановило осудить действия профессоров Клюевой и Роскина и развернуть широкую агитационную работу для воспитания гордости в советском человеке. Новое понимание советского патриотизма стало главным тезисом собрания, что делает его схожим с собранием в университете.

Закрытое совещание парторганизации Стоматинститута состоялось 2 августа, на нем присутствовало 11 человек. После доклада было задано три

⁸² ПермГАСПИ. Ф. 74. Оп. 1. Д. 2343. Л. 30.

⁸³ Там же. Л. 33.

вопроса, два из которых касались продвижения Парина и его работы в Молотове, а один коснулся освещения материалов закрытого письма среди беспартийных работников института. В ходе прений прозвучал ответ на последний вопрос. Выступающий отметил важность обсуждения письма с беспартийными научными сотрудниками для предотвращения фактов преклонения перед буржуазной наукой⁸⁴.

Основные мысли, прозвучавшие в прениях, касаются недостатков в воспитательной работе и моментов восхваления достижений зарубежной науки. Один из выступающих по фамилии Баранов высказывает интересную мысль по поводу продвижения В.В. Парина: «Плохо то, что мы забыли, что выдвигать надо из среды рабочих и крестьян, вероятно, если бы вместо Парина был выдвинут рабочий или крестьянин, то одним шпионом было бы меньше»⁸⁵. Однако, присутствующий на собрании заведующий сектором пропаганды Обкома Мадонов, ответил на эту реплику так: «Выступление Баранова по вопросу о выдвижении научных работников следует отметить как неправильную ориентацию. К людям следует подходить не с точки зрения их социального происхождения, а с точки зрения их политических и деловых качеств»⁸⁶. Таким образом, видно, что заносчивые высказывания осуждались, партийные работники не давали излишней эмоциональности захлестнуть одно из важнейших идеологических дел своего периода. Собрание постановило осудить поступок профессоров Ключевой и Роскина и обратить особое внимание на идейное воспитание сотрудников и студентов.

Отчет заместителя секретаря парторганизации мединститута Бирюкова дает представление о ходе партсобрания медицинского института. Его собрали оперативнее остальных – 28 июля, в то время как письмо было получено лишь 26 июля, что подчеркивает сам Бирюков. На собрании

⁸⁴ См. об этом: ПермГАСПИ. Ф. 105. Оп. 13. Д. 141. Л. 12об.

⁸⁵ Там же. Л. 13об.

⁸⁶ Там же. Л. 14.

присутствовало 28 человек. Прений после выступления не было, однако, в перерыве проходило обсуждение: «Говорили, почему судил не советский суд Ключеву и Роскина. Многие возмущались поведением Ключевой и Роскина, тем, что они делали до суда и их поведения на суде и во время следствия, тем, что они передали документы в Америку»⁸⁷.

Многие из собравшихся возмущались ролью Парина, имея некоторую информацию о нем, что показывает чуть большую осведомленность института о ходе дела по отношению с остальными. Профессора Залкинд и Ершов отметили, «что нам необходимо усилить воспитательную работу среди нашего профессорского персонала, ликвидировать низкопоклонство перед границей»⁸⁸.

Общий тон докладной записки спокойный, тов. Бирюков, помимо отчета о собрании, пишет о некоторых слухах, которые он узнал из разговоров с людьми. Помимо все тех же двух основных тезисов собрания (улучшить воспитательную работу и изжить низкопоклонство) появляется третья мысль, которая активно обсуждалась, – почему Ключеву и Роскина не судили в суде, а выбрали форму общественного порицания. Люди, работающие в той же сфере, ожидали более жесткого наказания, что показательно выражало их обиду за людей собственной специальности.

Дело Ключевой–Роскина сыграло большую роль в формировании двух важных позиций в советских научных учреждениях: борьба с низкопоклонством перед Западом и усиление идеологического воспитания работников советской науки. Мы отчетливо видим это на примере местных учебных заведений. Мысли о достоинствах советской науки и недостатках всего буржуазного мира должны были быть донесены до одной из важнейших групп – студенчества, а значит молодежи. Таким образом, в

⁸⁷ ПермГАСПИ. Ф. 105. Оп. 13. Д. 141. Л. 15.

⁸⁸ Там же. Л. 16.

советское общество внедрялось отрицание «буржуазных» ценностей, борьба за советский патриотизм набирала обороты.

Суды чести проработали в общей сложности менее двух лет и, по мнению ряда исследователей, не оказали должного влияния на общество. Движение против низкопоклонства перед Западом еще не было окончено, но эта форма воздействия себя исчерпала. Можно согласиться с Е.Ю. Зубковой, которая пишет: «Попытка организовать поход против инакомыслия в среде интеллигенции и госслужащих, опираясь на внутреннюю поддержку этого слоя, не принесла желаемого эффекта: «суды чести» были непопулярны. Это во многом решило их дальнейшую судьбу. Постановлением Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) от 7 июля 1948 г. полномочия «судов чести» были продлены еще на один год. По истечении этого срока они больше не переизбирались»⁸⁹.

Период второй мировой войны стал временем объединения всех слоев общества против общего врага. Советские евреи внесли свой, довольно значительный вклад в победу над фашистской Германией. В том числе большую роль сыграл созданный в период войны Еврейский Антифашистский Комитет. По окончании войны советские вожди задумались о целесообразности существования ЕАК. За время войны комитет установил множество связей с различными деятелями и организациями капиталистических стран, а после занимался, прежде всего, помощью евреям и продвижению национальной еврейской культуры.

В свете усиления антисемитских идей, а также конфронтации с западным миром, логичным было усмотреть в деятельности комитета потенциальную опасность. Советское руководство не могло допустить автономность и расширение влияния такой организации. Дополнительным фактором послужило создание еврейского государства – Израиль, который выбрал в качестве основной поддержки блок капиталистических держав.

⁸⁹ Зубкова Е.Ю. Указ. соч. С. 192.

О поводе к ликвидации ЕАК пишет один из ведущих отечественных исследователей антисемитского вопроса Г.В. Костырченко: «В результате сталинский режим, разочаровавшись в пропагандистско-ассимиляторской терапии, прибег к радикальному, «хирургическому» методу решения еврейской проблемы. Не дожидаясь окончания отпуска, Сталин позвонил в Москву Маленкову и настоял на немедленной ликвидации ЕАК. 20 ноября 1948 г. такое решение Политбюро, имевшее высший партийный гриф секретности «Особая папка», было принято. Оно гласило: «Утвердить следующее решение Бюро Совета Министров СССР: «Бюро Совета Министров СССР поручает Министерству государственной безопасности СССР немедленно распустить Еврейский антифашистский комитет, так как, как показывают факты, этот комитет является центром антисоветской пропаганды и регулярно поставляет антисоветскую информацию органам иностранной разведки. В соответствии с этим органы печати этого комитета закрыть, дела комитета забрать, пока никого не арестовывать»⁹⁰.

В начале 1948 г. руководство комитета было ослаблено потерей руководителя организации С.М. Михоэлса. В настоящее время установлено, что Михоэлс был ликвидирован по личному указанию И.В. Сталина⁹¹, а это свидетельствует о заранее подготовленном плане ликвидации ЕАК. За его ликвидацией последовало закрытие всех национальных еврейских театров в Советском Союзе. Несмотря на то, что советское руководство не давало открытых указаний к ущемлению евреев, их изгнанию из различных организаций, дело ЕАК наряду с кампанией против космополитов, усиливало бдительность руководителей на всех уровнях в этом отношении, а также укрепляло бытовой антисемитизм в стране.

Дело ЕАК стало серьезной акцией советского руководства по формированию антисемитских взглядов в Советском Союзе. Однако на

⁹⁰ Костырченко Г.В. Сталин против «космополитов». С. 171.

⁹¹ См.: Там же. С. 154.

периферии эта кампания, судя по отсутствию каких-либо указаний и документов, не возымела должного значения. Это могло быть связано с тем, что в таких городах, как Молотов, не было официальных объединений евреев в тот период, а дело ЕАК разрабатывалось, прежде всего, на высшем уровне. Но даже союзное управление МГБ долгое время не могло получить никаких доказательств или признательных показаний о причастности фигурантов дела ЕАК к шпионской деятельности.

Развитие дела ЕАК растянулось на несколько лет. Обвинения в сотрудничестве с западными спецслужбами были бездоказательными, но под давлением следствия некоторые из фигурантов дела дали показания, которые позволили начать разработку новой кампании, вошедшей в историю под названием «Дело врачей».

Постепенно усугублявшиеся проблемы со здоровьем Сталина и его страх перед заговорами сыграли с группой обвиняемых врачей злую шутку. Изначально обвинения были надуманными и безосновательными, следствию не удавалось «раскрутить» дело. К этому моменту подозрения в содействии с американскими шпионами начали падать на всех подряд, произошли чистки в аппарате МГБ. Чекистам было дано прямое указание найти доказательства виновности врачей в смерти А.С. Щербакова и А.А. Жданова.

Ж.А. Медведев описывает эти события таким образом: «Толчком к разгоранию уже затухавшего «дела врачей» послужило случайное обнаружение в августе 1952 года «письма врача Лидии Тимашук» о неправильном лечении Жданова, датированное 29 августа 1948 года. Тимашук впервые вызвали в МГБ в июле 1952 года для консультации все еще по поводу лечения Щербакова и в связи со следствием о действиях

арестованной еще в 1951 году доктора Карпай»⁹². Уже в январе 1953 г. Л.Ф. Тимашук была награждена орденом Ленина за оказанную помощь⁹³.

Дело получило свежее дыхание, а органам безопасности поручили в кратчайшие сроки раскрутить дело. Показания выбивались из обвиняемых и свидетелей, содержащихся в нечеловеческих условиях. Осенью 1952 г. признания были получены, после чего Сталин дал указание на арест подозреваемых.

13 января 1953 г. все центральные газеты под рубрикой «Хроника» поместили сообщение ТАСС, в котором говорилось о группе врачей-вредителей, устроивших заговор против руководителей страны с целью сокращения их жизни.

Сообщение вызвало сильнейший резонанс в обществе, в редакции приходили письма с требованием казнить предателей. В кратчайшие сроки в прессе была развернута массивная кампания, ставившая своей целью создать атмосферу страха. По всей стране резко упал уровень доверия к медицине, люди боялись посещать больницы, а антисемитские настроения набирали обороты. Партия, хоть и без прямых уточнений, указала на врага. Вскоре были разорваны дипломатические отношения с Израилем.

В таких условиях каждому еврею было необходимо отвести от себя любые подозрения. О публичной реакции в еврейской среде пишет А.С. Кимерлинг: «Известные евреи – интеллигенты должны были поддержать действия властей и публично одобрить арест кремлевских врачей. Был начат сбор подписей»⁹⁴.

Настроения в обществе были накалены до предела, но 5 марта И.В. Сталин умер, в разработке дела наступило затишье, а в итоге прекращено. В

⁹² Медведев Ж.А. Сталин и еврейская проблема. Новый анализ. М.: Права человека, 2003. С. 68.

⁹³ См. об этом: Кимерлинг А.С. Указ. соч. С. 78.

⁹⁴ Там же. С. 75.

исследовательской среде нет единого мнения о причинах его прекращения, но, как нам кажется, при жизни Сталина дело было бы доведено до логического финала. Официально дело врачей было прекращено 4 апреля 1953 г. сообщением МВД СССР о прекращении следствия по делу врачей в газете «Правда».

Первую реакцию на начавшуюся кампанию в документах Молотовской области мы обнаруживаем от 15 января, через два дня после публикации. Именно тогда состоялось закрытое партийное собрание парторганизации областной клинической больницы, в котором приняли участие 31 человек. Было заслушано сообщение ТАСС из газеты «Правда», после чего состоялись прения. Выделить чье-то выступление в прениях не представляется возможным. Риторика каждого из выступавших повторяет риторику сообщения. Можно выделить основные тезисы: высшая мера наказания для обвиняемых («уничтожить»), необходимость быть бдительными и улучшать качество обслуживания, оправдывая доверие народа. Многие упоминают США и Англию в своих выступлениях, чьими агентами, по их словам, были обвиненные врачи: «профессора-врачи продались за деньги, стали агентами шпионской организации США и Англии, вредили нашему народу»⁹⁵.

Из материалов собрания можно сделать несколько общих выводов. Во-первых, люди слепо верили всему, что писала «Правда» и говорили первые лица государства, что является нормой для тоталитарного режима, либо делали вид, что верят. Во-вторых, выступающие не допускали мысли, что те самые врачи могли отстаивать идею, ведь, по их убеждению, шпионы обязательно продались за деньги. В-третьих, в выступлениях не встречаются упоминаний об еврейской национальности, а, значит, интеллигенцию еще не поглотили всеобщие настроения антисемитизма.

⁹⁵ ПермГАСПИ. Ф. 20. Оп. 1. Д. 3473. Л. 4.

После выхода сообщения, в газете «Правда», были приняты серьезные меры по контролю за медициной. 5 февраля Молотовский обком ВКП(б) выпускает постановление «О крупных недостатках в работе областной клинической больницы», в котором была раскритикована работа местной больницы. Следует отметить, что положение местной медицины действительно было плачевным, «Однако, многие недостатки медицинского обслуживания не зависели от медперсонала. Во-первых, сами медицинские учреждения не были приспособлены для приема необходимого количества больных»⁹⁶, – отмечает А.С. Кимерлинг.

Руководство больницы обвинялось в недостаточном контроле и плохой постановке работы. В вину ставились не мелкие недостатки, а крупные провалы в работе, приводящие к серьезным последствиям: «Наличие крупных недостатков в работе больницы приводит к грубым врачебным ошибкам и в ряде случаев к смертельным исходам при лечении больных»⁹⁷. Отмечалось, что в больнице была создана атмосфера мнимого благополучия, в рамках которой ошибки и недостатки не поддаются критике.

Одним из важных итогов этого постановления стало отстранение главного врача областной больницы, еврея по национальности: «За недобросовестное отношение к порученному делу, стремление скрыть истинное положение в больнице и создать обстановку ложного благополучия, за неправильный подбор кадров, главного врача областной клинической больницы Кац Леонида Викторовича, члена КПСС с 1940 года, партбилет №3637956, с работы снять и исключить из членов КПСС»⁹⁸. Действительно, вряд ли после произошедшего, областной клинической больницей мог руководить еврей, а неблагополучное состояние больницы

⁹⁶ Кимерлинг А.С. Указ. соч. С. 105.

⁹⁷ ПермГАСПИ. Ф. 105. Оп. 20. Д. 31. Л. 42.

⁹⁸ Там же. Л. 43.

проще было списать на отдельных людей, чем на систему здравоохранения в целом.

Налицо прямая зависимость выхода сообщения ТАСС и постановления обкома по областной клинической больнице. На примере Молотовской области мы можем увидеть, каким образом на подобные сообщения реагировал местный комитет партии. И отсутствие высказываний антисемитского характера вовсе не говорит об отсутствии антисемитских мыслей и подтекстов.

Дело врачей стало одним из самых жестоких послевоенных дел, будучи целиком сфабрикованным, оно породило множество неоправданных негативных высказываний в адрес видных деятелей медицины. Обвинения местных врачей были своего рода громоотводом для Молотовского обкома, который организовал свое дело лишь для демонстрации повышенной бдительности.

Заключение

Идеологические кампании послевоенного времени послужили мощным толчком к изменению общественного сознания. Настроения в обществе, особенно в кругах интеллигенции, и отсутствие реального врага, создали предпосылки для проведения кампаний по мобилизации общества. Усиление идеологического контроля во всех сферах легло в основу этой деятельности. Прямому воздействию были подвергнуты культура и наука, которые были призваны к формированию у людей образа советского человека нового образца и воспитанию особого типа патриотизма, основной идеей которого стало отрицание всего капиталистического мира, как чуждого советскому обществу.

Руководство СССР использовало различные методы и формы для влияния на общественное сознание. Начальный период кампаний был обусловлен простой и понятной критикой искусства, в рамках которой интеллигенция была направлена на корректировку ориентиров, а народ на формирование некоторого неприятия к определенным проявлениям в искусстве, которое формировало негативное отношение к части интеллигенции и прозападным настроениям. На помощь партии пришли средства печати, которые были ориентированы на повышенную критику и большее освещение культурной жизни страны.

Далее кампании получили развитие в конкретной, достаточно обособленной среде, сфере науки. Голос партии начал осуждать проявление любого почтения к западным достижениям. Внутри среды нагнеталась атмосфера недоверия и озлобленности, а на суд зрителей выносились вопиющие факты проникновения буржуазных ценностей в научно-образовательную среду. В то же время, играя на контрапунктах, советское руководство выдвигало в качестве идейной основы и всеобъемлющей компетенции работы И.В. Сталина, чье мнение ставилось превыше всего.

На смену небольшим звоночкам, в виде идейных ошибок, начинают приходить специальные заговоры, с помощью которых в обществе формируется страх, который постепенно нагнетается с помощью различных уловок и достигает своего апогея в деле врачей, в процессе которого начинает вырисовываться капитальное отторжение обществом всего что может быть связано с врагом.

Необходимость активизации интеллигенции обусловила кампанию в сфере культуры, которая была развернута первой. Рамки кампании задавали четыре постановления ЦК ВКП(б), где выражалось отношение партии к явлениям происходившим в искусстве. Творческая интеллигенция, на которую было направленно основное действие кампании, стала своеобразным инструментом в руках власти для изменения общественного сознания. Таким образом, советское руководство создало замкнутую систему, в которой интеллигенция должна была воздействовать на общество, формируя определенные установки, а общество призывалось к давлению на интеллигенцию для выпуска идеологически правильного продукта.

Кампания в культуре продемонстрировала системность и преемственность. Постановления принимали эстафету друг у друга, вскрывая новые недостатки и дополняя прежнюю критику. Кампания в культуре имела всесоюзное значение. В центральных регионах она проходила более активно благодаря более пристальному вниманию со стороны партийных органов и большей концентрации интеллигенции, что предопределяло большее количество усилий для наращивания давления. На региональном уровне постановления активно обсуждались, что было требованием ЦК, и участники собраний старались выступать с повышенным рвением, однако реальные изменения культурной среды проходили далеко не везде и крайне неравномерно, а местное руководство зачастую подходило к реализации акций формально, не желая подставлять кого-то под удар. Недостаток информации и разъяснений на периферии затормаживал реакцию местной

интеллигенции, а страх неправильного понимания установок делал критику робкой и точечной.

Кампании в сфере науки стали следующей ступенью на пути формирования нового общественного сознания. Особенности этих кампаний стала направленность на внутреннее научное сообщество и разные методы в организации самих акций, среди которых были дискуссии, официальные постановления, статьи в союзной прессе, выражающие мнение партии по конкретным научным вопросам. Научное сообщество с большим противодействием воспринимало давление со стороны власти, чем работники культуры. На примере документов местных партийных организаций можно увидеть, что на начальных этапах развития кампаний, некоторые ученые пытались отстаивать возможность выражать собственные взгляды и позиции. Кампания в науке стала последовательной, вслед за центром прорабатывались местные высшие учебные заведения, проводились проверки, но в регионе было больше возможности высказать своё мнение, не боясь при этом последствий.

Целями кампаний стало повышение идейной бдительности в научном мире и искоренение «буржуазных» проявлений в научной деятельности. Конечным результатом ставилось усиление патриотического настроения среди молодежи и ее правильное идейное воспитание.

Кампании по противодействию западному влиянию стали логическим продолжением предыдущих акций, однако они включали больший антисемитский подтекст, который достиг своего максимума в деле врачей. Акции преследовали цель создать атмосферу осажденной крепости в обществе, поэтому несли в себе наибольшую эмоциональную составляющую, чем предыдущие кампании. Создавался образ реальной угрозы для максимальной мобилизации общества, в рамках которой людьми было проще управлять. Кроме того, появлялась возможность отвлечь от насущных социальных проблем. Местные документы демонстрируют наиболее быструю и острую реакцию общественности именно на эти дела. В числе

причин бытовой антисемитизм и страх перед шпионско-заговорщицкими группами. Местные руководители в попытке продемонстрировать высокий уровень бдительности организовывали собственные кампании, которые проходили по образу и подобию центральных. Эти кампании показали наибольшую эффективность на «верхнем», всесоюзном уровне, и на «низовом» уровне, т.е. среди «простых» людей.

В целом, идеологические кампании послевоенного периода оказали сильнейшее влияние на всё советское общество, которое удалось приобщить к противостоянию с Западом в различных формах.

Список источников и литературы

1. Источники

1.1. Постановления высших органов ВКП(б) и ВАСХНИЛ

- 1.1.1. Постановление Оргбюро ЦК ВКП (б) «О журналах «Звезда» и «Ленинград» 14 августа 1946 г. // Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) – ВКП(б), ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике. 1917-1953 / Под ред. А.Н. Яковлева; сост. А.Н. Артизов, О.В. Наумов. М.: Международный фонд «Демократия», 1999. С. 587-591.
- 1.1.2. Постановление Оргбюро ЦК ВКП (б) «О репертуаре драматических театров и мерах по их улучшению» 26 августа 1946 г. // Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) – ВКП(б), ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике. 1917-1953 / Под ред. А.Н. Яковлева; сост. А.Н. Артизов, О.В. Наумов. М.: Международный фонд «Демократия», 1999. С. 591-596.
- 1.1.3. Постановление Оргбюро ЦК ВКП (б) «О кинофильме «Большая жизнь»» 4 сентября 1946 г. // Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) – ВКП(б), ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике. 1917-1953 / Под ред. А.Н. Яковлева; сост. А.Н. Артизов, О.В. Наумов. М.: Международный фонд «Демократия», 1999. С. 598-602.
- 1.1.4. Постановление Политбюро ЦК ВКП (б) «Об опере «Великая дружба» В. Мурадели» 10 февраля 1948 г. // Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) – ВКП(б), ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике. 1917-1953 / Под ред. А.Н. Яковлева; сост. А.Н. Артизов, О.В. Наумов. М.: Международный фонд «Демократия», 1999. С. 630-634.
- 1.1.5. Постановление Политбюро ЦК ВКП (б) об организации «судов чести» 28 марта 1947 г. // Есаков В.Д., Левина Е.С. Дело КР. Суды чести в идеологии и практике послевоенного сталинизма. М., 2001. С. 130-133.
- 1.1.6. Постановление сессии Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина по докладу академика Т. Д. Лысенко «О положении

в биологической науке». – URL: <http://lib.ru/DIALEKTIKA/washniil.txt> (дата обращения: 01.05.2017).

1.1.7. Постановление Политбюро ЦК ВКП (б) о роспуске еврейского антифашистского комитета в СССР 20 ноября 1948 г. / Опубликовано: Костырченко Г.В. В плену у красного фараона. М., 1994. С. 125.

1.2. Труды руководителей Коммунистической партии и советского государства

1.2.1. Сталин И.В. Марксизм и вопросы языкознания. Относительно марксизма в языкознании // Правда. 1950. 20 июня.

1.2.2. Сталин И.В. К некоторым вопросам языкознания // Правда. 1950. 4 июля.

1.2.3. Сталин И.В. Товарищу Санжееву // Правда. 1950. 2 августа.

1.2.4. Сталин И.В. Товарищу А. Холопову // Правда. 1950. 2 августа.

1.2.5. Сталин И.В. Товарищам Д. Белкину и С. Фуреру // Правда. 1950. 2 августа.

1.2.6. Сталин И.В. Экономические проблемы социализма в СССР // Сталин И.В. Сочинения. Т. 16. М.: Издательство “Писатель”, 1997. С. 154–223.

1.3. Архивные документы

1.3.1. Пермский государственный архив социально-политической истории (ПермГАСПИ). Фонд № 20. Первичные организации ВКП(б)-КПСС Ленинского района города Перми, объединенный архивный фонд (Крайние даты документов: 1923–1991).

1.3.2. Пермский государственный архив социально-политической истории (ПермГАСПИ). Фонд № 74. Первичные организации ВКП(б)-КПСС Свердловского района города Перми, объединенный архивный фонд (Крайние даты документов: 1924–1990).

1.3.3. Пермский государственный архив социально-политической истории (ПермГАСПИ). Фонд № 80. Первичные организации РКП(б)-ВКП(б)-КПСС

Мотовилихинского района города Перми, объединенный архивный фонд (Крайние даты документов: 1919–1991).

1.3.4. Пермский государственный архив социально-политической истории (ПермГАСПИ). Фонд № 105. Пермский обком КПСС, г. Пермь, Пермская область (Крайние даты документов: 1935–1992).

1.3.5. Пермский государственный архив социально-политической истории (ПермГАСПИ). Фонд № 717. Первичная организация КПСС Пермского государственного университета им. А.М. Горького, Дзержинский район, г. Пермь (Крайние даты документов: 1919–1987).

1.3.6. Пермский государственный архив социально-политической истории (ПермГАСПИ). Фонд № 8187. Пермское региональное отделение Общероссийской общественной организации «Союз театральных деятелей Российской Федерации» (Всероссийское театральное общество - ВТО), г. Пермь (Крайние даты документов: 1941–2011).

1.4. Материалы периодической печати

1.4.1. Арест группы врачей-вредителей // Правда. 1953. 13 января.

1.4.2. Сообщение Министерства внутренних дел СССР // Правда. 1953. 4 апреля.

2. Литература

2.1. Монографии

2.1.1. *Бабиченко Д.Л.* Советская литература 1940-х гг. под политическим контролем ЦК. М.: Россия молодая, 1994. – 377 с.

2.1.2. *Баберовски Й.* Красный террор. История сталинизма М.: РОССПЭН, 2007. – 278 с.

2.1.3. *Блюм А.В.* Советская цензура в эпоху тотального террора. 1929-1953. СПб.: Академический проект, 2000. – 321 с.

2.1.4. *Верм Н.* Террор и беспорядок. Сталинизм как система. М.: РОССПЭН, 2010. – 447 с.

- 2.1.5. *Геллер М.* Машина и винтики. История формирования советского человека. М.: МИК, 1994. – 336 с.
- 2.1.6. *Голомшток И.Н.* Тоталитарное искусство. М.: Галарт, 1994. – 296 с.
- 2.1.7. *Горяева Т.М.* Политическая цензура в СССР. 1917-1991 гг. М.: РОССПЭН, 2009. – 408 с.
- 2.1.8. *Данилов А.А., Пыжиков А.В.* Рождение Сверхдержавы СССР в первые послевоенные годы. М.: РОССПЭН, 2001. – 304 с.
- 2.1.9. *Есаков В.Д., Левина Е.С.* Дело КР. Суды чести в идеологии и практике послевоенного сталинизма. М.: ИРИ РАН, 2001. – 454 с.
- 2.1.10. *Зубкова Е.Ю.* Общество и реформы. 1945-1964. М.: Россия молодая, 1993. – 200 с.
- 2.1.11. *Зубкова Е.Ю.* Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945-1953 годы. М.: РОССПЭН, 2000. – 229 с.
- 2.1.12. *Ким М.П.* 40 лет советской культуры. М.: Госполитиздат, 1957. – 388 с.
- 2.1.13. *Ким М.П.* Коммунистическая партия-организатор культурной революции в СССР. М.: Госполитиздат, 1955. – 838 с.
- 2.1.14. *Кип Д., Литвин А.* Эпоха Иосифа Сталина в России. Современная историография. М.: РОССПЭН, 2009. — 326 с.
- 2.1.15. *Костырченко Г.В.* Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм. М.: Междунар. отношения, 2003. – 781 с.
- 2.1.16. *Костырченко Г.В.* Сталин против «космополитов». Власть и еврейская интеллигенция в СССР. М.: РОССПЭН, 2010. – 432 с.
- 2.1.17. *Лейбович О.Л.* В городе М. Очерки социальной повседневности советской провинции в 40–50-х гг. М.: РОССПЭН, 2008. – 296 с.
- 2.1.18. *Лукин Ю.А.* Идеология и художественная культура. М.: Искусство, 1982. – 247 с.
- 2.1.19. *Медведев Ж.А.* Сталин и еврейская проблема. Новый анализ. М.: Права человека, 2003. – 288 с.

- 2.1.20. *Медведев Р.А.* К суду истории. О Сталине и сталинизме. М.: Время, 2011. – 656 с.
- 2.1.21. *Пихоя Р.Г.* Советский Союз: история власти. 1945-1991. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000. - 680 с.
- 2.1.22. *Рапопорт Я.Л.* На рубеже двух эпох. Дело врачей 1953 года. М.: Книга, 1988. – 271 с.
- 2.1.23. Социальная мобилизация в сталинском обществе (конец 1920-х – 1930-е гг.): Коллективная монография / Отв.ред. С.А. Красильников. Новосибирск: Новосибирский гос. ун-т, 2013. – 419 с.
- 2.1.24. *Фатеев А.В.* Образ врага в советской пропаганде. 1945-1954 гг. / отв. ред. *Петрова Н. К.* - М.: Ин-т рос. истории РАН, 1999. – 261 с.
- 2.1.25. *Хлевнюк О.В., Горлицкий Й.* Холодный мир: Сталин и завершение сталинской диктатуры. М.: РОССПЭН, 2011. – 231 с.
- 2.1.26. *Черкасов П.П.* ИМЭМО. Портрет на фоне эпохи. - М.: Весь Мир, 2004 г. - 572 с.

2.2. Статьи

- 2.2.1. *Аксенов Ю.С.* Послевоенный сталинизм: Удар по интеллигенции // Кентавр. 1991. Октябрь-декабрь. С. 80-89.
- 2.2.2. *Алпатов В.М.* Марр, марризм и сталинизм // Философские исследования. 1993. № 4, с. 271-288.
- 2.2.3. *Бабиченко Д.Л.* Жданов, Маленков и дело Ленинградских журналов // Вопросы литературы. 1993. № 3. С. 201-213.
- 2.2.4. *Блюм А.В.* Берегите Зощенко // Звезда. 2004. №8. С. 128-137
- 2.2.5. *Генина Е.С.* Кампания по борьбе с космополитизмом в СССР в оценках отечественных исследователей 1990-х – начала 2000-х гг. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2011. №4. С. 22-27.
- 2.2.6. *Ермаков В.Т.* Некоторые проблемы современной историографии советской культуры // Вопросы истории и историографии социалистической культуры. 1987. С. 171-191.

- 2.2.7. *Зубкова Е.Ю.* Общественная атмосфера после войны // Свободная мысль. 1992. № 6. С. 79-88.
- 2.2.8. *Иоффе Г. З.* Сталин и борьба с космополитизмом // Новая и новейшая история. 2007. №4. С. 80 – 85.
- 2.2.9. *Кимерлинг А.С.* Молотовское эхо идеологической кампании 1946 года: местная печать разоблачает М. Зощенко и А. Ахматову // Вестник Пермского Университета. 2013. №3 (23). С. 188-195
- 2.2.10. *Кимерлинг А.С.* Имя врага называл сам Сталин (Политические кампании поздней сталинской эпохи) // Астафьевские чтения "Время "Веселого солдата": ценности послевоенного общества и их осмысление в современной России", г. Пермь, ноябрь 2008 г. Пермь. 2009. - С. 241-250.
- 2.2.11. *Костырченко Г.В.* Идеологические чистки второй половины 40-х годов: псевдопатриоты против псевдокосмополитов // Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. М.: РГГУ. 1997. С. 90-150.
- 2.2.12. *Пивоваров Н.* Правда и мифы о гонениях на кибернетику в СССР. - URL: <http://statehistory.ru/4804/Pravda-i-mify-o-goneniyakh-na-kibernetiku-v-SSSR/> (дата обращения: 01.05.2017).
- 2.2.13. *Смирнов А.П.* Ленинградское дело. Портрет поколения // История Петербурга. 2006. №6 (34). С. 18-23.
- 2.2.14. *Янковская Г.А.* Историографические образы позднего сталинизма // Мемориальный центр истории политических репрессий «Пермь-36». 2009. С. 393-402.

2.3. Диссертации и авторефераты диссертаций

- 2.3.1. *Гижов В.А.* Идеологические кампании 1946-1953 гг. в российской провинции: По материалам Саратовской и Куйбышевской областей: Дис. канд. ист. наук. Саратов, 2004. – 211 с.
- 2.3.2. *Дерягина Г.В.* Борьба КПСС за развертывание критики и самокритики в науке, литературе и искусстве в послевоенный период: Автореф. дис. канд. истор. наук. Л, 1954. – 15 с.

2.3.3. *Кимерлинг А.С.* Политическая кампания «Дело врачей» в провинции, 1953 год: на материалах Молотовской и Свердловской областей: Дис. канд. ист. наук. Пермь, 2000. – 231с.

2.3.4. *Комаров А.Ф.* Борьба Коммунистической партии Советского Союза за воспитание трудящихся в духе советского патриотизма (1946 - 1954): Автореф. дис. канд. истор. наук. Киев, 1954. – 20 с.

2.3.5. *Конюков А.Ф.* Руководство Башкирской партийной организации подготовкой и идейно-политическим воспитанием интеллигенции республики в годы первой послевоенной пятилетки. (1946-1950 гг.): Автореф. дис. канд. ист. наук. Москва, 1978. – 25 с.

2.3.6. *Королев В.М.* Идейно-политическое воспитание молодой творческой интеллигенции в первые послевоенные годы (1946-1950): Автореф. дис. канд. ист. наук. Москва, 1978. – 21 с.

2.4. Учебная и учебно-методическая литература

2.4.1. *Боффа Дж.* История Советского Союза: в 2-х тт. Т.2. От Отечественной войны до положения второй мировой державы. Сталин и Хрущев. 1941-1964 гг. М.: Междунар. отношения, 1994. — 632 с.

2.4.2. *Геллер М., Некрич А.* История России 1917-1995. Т. 2. Утопия у власти 1945-1985. М.: МИК, 1995. – 432 с.

2.4.3. История России XX — начала XXI века / под ред. Милова Л.В. М.: Эксмо, 2006. – 960 с.